

Sm 6648

Изъ Библиотекы А. Смирдина

№ 6648.

За годъ . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтеніе книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

Slovanská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186170217

S. 383191

ПАМЯТЬ БРАТУ,

ИЛИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ

Михайлы Сушкова,

найденныхъ послѣ его смерти.

461163.

МОСКВА, 1805.

Въ Университетской Типографіи,

у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нещастный сочинитель большей части сихъ стиховъ, давно уже не существуетъ; слезы братской привязанности болѣе девяти лѣтъ орошаютъ его хладную могилу. Онъ умеръ на 17 году отъ рожденія, и я издаю сочиненія его въ надеждѣ, что всякой чувствительный человѣкъ вздохнетъ о томъ, что способности нещастнаго увяли въ самомъ началѣ ихъ цвѣта. По смерти сочинителя, я былъ еще столь молодъ, что не могъ заняться разобраніемъ бумагъ его; а тѣ изъ родственниковъ, кои имѣли злополучную способность, чувствовать сію потерю, не были въ силахъ заняться тѣмъ, что столь видимо доказывало цѣну ихъ утраты. —

Теперь, взошедъ въ тѣ лѣта, въ которыя можно уже чувствовать, я думаю, изданіемъ оставшихся сочиненій любимаго брата, отдать нѣкоторымъ образомъ послѣдній долгъ родственной нѣжности.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Бесѣда съ Юнгомъ: мысли о смерти и вѣч- ности.	1
II. Сатира первая.	6
III. — — Вторая.	9
IV. — — Третья.	13
V. Стихи на смерть Генералъ-Майора С* П* Максимовича, (подъ Очаковымъ убишаго 1788.	20
VI. Стихи на заданныя рѣмы, въ скорости сочиненные. 1. Ниса, Идиллія.	21
VII. 2. Плачъ опчаяннаго любовника; Элегія.	22
VIII. Рондо.	23
IX. Баллада.	24
X. Гроза; передѣланная изъ бѣлыхъ стиховъ незнаемаго сочинителя, съ приложеніемъ къ каждой строфѣ по четыре новыхъ стиха.	25
XI. Надписи. 1. Двумъ супругамъ, 2. Преспа- рѣлой красавицѣ.	26
XII. Басни. 1. Робенокъ на столѣ. 2. Вѣтреная мѣльница. 3. Астрологъ.	27
XIII. Условіе, Мадригалъ.	29
XIV. Встрѣча, Идиллія.	—
XV. Элегія. 1. Разлука.	31
XVI. — — 2. Ревность.	33
XVII. — — 3. Смерть любовницы.	35
XVIII. Эклоги. 1. Алцинда.	36
XIX. 2. Хлоя.	37
XX. 3. Сидализа.	40

О г л а в л е н і е.

	Стран.
XXI. Надгробная надпись Е . . . Ф . . . Х . . .	41
XXII. Пѣсня 1. - - -	42
XXIII. — — 2. - - -	43
XXIV. — — 3. Пастушеская. - - -	44
XXV. — — 4. - - -	46
XXVI. — — 5. - - -	47
XXVII. Пѣсня Г. Медера. - - -	48
XXXI. Сонетъ трубкѣ. - - -	50
XXXII. Стансы Нисѣ. - - -	51
XXXIII. Приписаніе Женщинамъ. - - -	52
XXXIV. Ариеметика. - - -	53
XXXV. Молодому Сатирику. - - -	54
XXXVI. Архитектору. - - -	55
XXXVII. Ученой Женщинѣ. - - -	57
XXXVIII. Пятнадцать лѣтъ. - - -	58
XXXIX. Ода. - - -	59
XL. Разныя упражненія. - - -	60
XLI. Повѣсть моей жизни, и эпитафія. - - -	—
XLII. Совѣтъ любовнику. - - -	61
XLIII. Ода духовная изъ 36 Псалма. - - -	—
XLIV. Ода, писанная въ шеченіе войны съ Турками. - - -	62
XLV. Весна. - - -	69
XLVI. Ода на смерть К . . . Ф . . . Х . . .	72
XLVII. — Эротическая. - - -	75
XLVIII. — Анакреонтическая противъ любви. - - -	77
XLIX. — Въ защищеніе любви. - - -	79
L. — Кулашному бойцу. - - -	80
LI. Элегія. - - -	87
LII. Стихи на погребеніе Его Сіятельства, Графа Ивана Григорьевича Орлова. - - -	88

О г л а в л е н і е.

	Стран.
LIII. Героническая Эклога на заключеніе ми- ра съ Поршою 1791 года Декабря 29 дня. - - - - -	90
LIV. Стихи отъ четырехъ бѣлицъ Хозяину Ма- скерада, даннаго 1792 года, Февраля 6 дня. - - - - -	95
LV. Пѣсня Бахическая. - - - - -	98
LVI. — — Руская. - - - - -	99
LVII. Загадки. - - - - -	100
LVIII. Шарады. - - - - -	101
LIX. Логогрифъ - - - - -	102

ПАМЯТЬ БРАТУ.

I.

БЕСѢДА СЪ ЮНГОМЪ.

Мысли о смерти и вѣчности.

Божественный Юнгъ! бесѣдуя со мною,
Коль сладостныхъ минуишь бываешь ты виною!
Внимая рѣчь твою, тобою внушеннымъ зрюсь,
И разумомъ сверхъ силъ тѣлесныхъ возношусь.
Твоимъ писаньемъ ты свой духъ въ меня вливаешь,
Судишь о вѣчности и смерти заспаиваешь.
И шакъ сопущивуй мнѣ, пролей вокругъ свой свѣтъ,
Да право опишу сей мысленный предметъ.

Куда ни вскину взоръ, все смерть напоминаешь,
Все разрушеніе, кончину представляешь:
Орелъ, слонъ, кишъ и червь, комаръ и былѣе,
Все маловременно имѣютъ бытіе.

Пріятный лѣшній день, когда въ проспанномъ
мѣрѣ
Все дышетъ тишиной въ лугахъ, въ моряхъ, въ
эфирѣ,

Напоминаютъ мнѣ, стелющему въ бѣдахъ,
Покой, что смертные вкушаютъ во гробахъ.
И буря яростна сводъ неба разверзая,
И солнечныхъ лучей блистанье зашмевавъ,
Рѣвъ въпрорѣ, трескъ громовъ, трясущихъ саму
твердь,
Во шрепелъ приводитъ, мнѣ предвѣщаютъ смерть.

А

По тягостныхъ трудахъ ночь, время покоенья,
 Являешъ будущій мракъ послѣ разрушенья.
 Всякъ часъ къ концу ведетъ, сближая крашкѣй вѣкъ,
 Влеченъ къ паденію всемъ бранный человекъ:
 Но оный жизнь свою самъ болѣе скращаешъ,
 Когда порокъ, иль страхъ его обуреваешъ.
 Все время пролетишъ, какъ самый юнкій паръ,
 И мы опомнимся, какъ смерть внесетъ ударъ;
 А прежде въ злыхъ дѣлахъ, въ порокахъ ушная,
 И собственнымъ трудомъ могилу изрывая,
 Страшимся мы конца, и къ оному спѣшимъ,
 Впадая въ пропасти, опасности не зримъ;
 Среди мірскихъ суетъ со страхомъ умираемъ,
 И шло, яко долгъ, спихѣямъ возвращаемъ.

Но что! — не уже ли паденіе сіе
 На вѣки пресѣчетъ все наше бытіе?
 Уже ли въ пищу тѣмъ родимся, умираемъ,
 Которыхъ въ жизни мы ногами попираемъ?
 О гордый человекъ, и царь Природы всей!
 Сія ль причина естъ надменности швоей?
 Ты слабъ въ младенчествѣ, спрашямъ преданна мла-
 дость,

Лишь силы соберешъ, наступишъ хладна старость;
 Скопы щастливѣе, покойнѣе они:
 Пади предъ ними ты! свой скипетръ преклони.

Но, нѣтъ! поспой еще; не все скопамъ осшалось:
 Знашнѣйше благо намъ онъ Вышняго досталось.
 Имѣюшъ жизнь они, приличную скопамъ;
 Имѣемъ душу мы, парящу къ небесамъ.
 Мы духи вѣчные — не лестная надежда!
 Пусть трепсе наша цѣпь и шлѣнная одежда:
 Безсмертенъ будучи, и смерти не спашусь,
 И свыше суетныхъ боязней возношусь.

Безбожный возгласишъ: „коль зыблешея вселенна,
 Не льстися своего спасши сосшавъ брэнна.

Безумный! умножай свою прискорбну часть,
И щисися новую изобрѣпать напасть;
Лишайся въ горестяхъ послѣдня утѣшенья,
За добродѣтели не жди ны награжденья,
Ни казни злыхъ людей душамъ не ожидай
И безбоязненно въ порокахъ утопай;
Презри опечество, честное имя, славу,
Ты въ семъ послѣдуешь естесвенну уставу.
За чемъ себя прудить и страхамъ подвергашь,
Коль смерть всю жизнь должна на вѣки окончашь?

Се были бы плоды сихъ ложныхъ поученій,
Се заключеніе всей цѣпи разсужденій!
Но только положи, что ты безсмертенъ спалъ,
Дабы дѣламъ своимъ возмездіе пріятъ, —
Безсмертенъ — легка мысль! въ вещасщіяхъ отрада.
Невинный! укрѣпись; се ждешъ тебя награда!
Для входа твоего разворены врата;
Изчезнешъ для тебя мірская суета.
Кто здѣсь былъ угнѣтенъ, тотъ тамъ благополученъ —
Да съ сей надеждою вѣкъъ буду не разлученъ!
Когда жъ все то мечта, продлись пріятной сонъ,
Продлись, и не заснавъ пускать проснувшись спонъ.
Такъ, ежели сіе и духа заблужденье,
Не выводи меня изъ сладка усыпленья;
Довольно насъ причинъ къ опчаянью влечешъ.
А ежели еще и сей опоры нѣтъ,
То мы пребѣдные, бѣднѣе будемъ вдвое.
Но, нѣтъ! мой рушитъ умъ сомнѣніе шакое;
И самый шотъ предметъ, что смерти кажешъ видъ,
Съ нимъ купно намъ доводъ безсмертія явишъ.

Все гибнешъ, рушится, и крапкаго все вѣка,
Но все сошворено для пользы челоука;
Въ премѣнахъ все хранишъ Создашелевъ законъ,
Который предписалъ не безъ причины Онъ.
Былинка малая, что въ полѣ процвѣтаешъ,
Увянувъ, сѣмянемъ другую возраждаетъ,

Иль служишъ пищею пасущимся стадамъ,
Иль сообщаетъ сокъ ирудящимся пчеламъ;
Сии насъ сохами и медомъ снабдѣвають,
Стада же кожею и шерстью одѣвають,
И, словомъ, пользу мы беремъ отъ тварей всѣхъ,
Для пищи, здравія, покоя и утѣхъ;
А самый человѣкъ, глава всего творенья,
Созданный, какъ гласяшъ, Творца для прославленья,
Ужели отъ скоповъ споль мало ошличенъ?
Не славенъ имъ Творецъ, но былъ бы униженъ.
И гдѣ же мнимая ша цѣль, чю мѣръ связуешь?
Гдѣ гордо существо, чю Бога образуешь?
Прервалось бы кольцо отъ смершнаго къ Духамъ,
Когда прѣстранства нѣтъ отъ онаго къ скошамъ.

Возьмемъ его, возьмемъ въ сожишїи подобныхъ,
Среди друзей своихъ, среди всѣхъ благъ удобныхъ:
Онъ вѣчно сѣпуешь годовъ на быстрый бѣгъ,
А жизнь свою ведешь въ исканїи утѣхъ,
Чюбы въ забвенїи быстрый шечи къ кончинѣ.
Конечно дѣйствуетъ по тайной онъ причинѣ,
По впечатлѣнїю, кошорое равно
Сотворшимъ Божеснвомъ всемъ въ души вложено,
И по кошорому невольнo онъ стремишся,
Да съ духомъ Вышнимъ духъ его соединится.

Свершилося — и днесъ дыханїя въ немъ нѣтъ;
На мѣстѣ очи зрю, но — въ нихъ не входитъ свѣтъ.
Се уши — но они рыданїямъ не внимають;
Громада вся цѣла — но въ оной чувства дремлющъ.
Мудрецъ! сомнѣнїя мои ты разрѣши,
Или скажи со мной, чю нѣтъ уже души,
Кошорая предъ симъ всю двигала пружину.
Съ часами, слышу я, ровняешь ты кончину,
Коль въ оныхъ колесо преломлено одно. —
Нѣтъ, слабо мнѣнїе ошвѣшомъ мнѣ дано.
Искусный часовщикъ опять часы исправишъ,
И стрѣлку двигаешь по прежнему заставишъ.

А ты проникнулъ то, какая въ шѣлѣ порча,
Проникнулъ, но почто жъ не въ силахъ ты помочь?
Почто не приведешь ты крови въ обращенье,
И сердцу не велишь начать свое бѣенье?
Конечно Нѣкто есть могущественнѣй насъ,
Кто можешь разогрѣть простертый смерти мразъ,
И Коего слѣды пребезпредѣльной мочи
Вездѣ находимъ мы, куда ни вскинемъ очи.

Когда разсѣется густая ющи шѣнь,
Въ большемъ сіяніи тогда настанетъ день;
По бурѣ ясная погода наступаетъ,
И громъ лишь для того всей твердью потрясаетъ,
Со трескомъ гордыя сжигая деревья,
Чтобъ дать природѣ жизнь, очистивъ небеса. —
Такъ смерть уже когда къ шѣлу прикоснется,
Душа въ блиспаніи къ Создателю взнесется;
Исчезнетъ мракъ тогда — заступитъ мѣсто свѣтъ,
И судно къ гавани чрезъ бури приплыветъ,
А шѣло бѣдное избавится заботы,
Болѣзней, горестей, и тяжкія работы,
Но бытіе свое на вѣки сохранивъ,
И разность только въ томъ, что переменитъ видъ.
Что взято изъ земли, то въ землю претворится,
Съ атмосферическимъ нашъ огонь соединится,
И жидкость къ водянымъ подымется парамъ,
А здѣсь останется лишь хладный камень намъ.

II.

САТИРА ПЕРВАЯ.

Пусть судятъ, какъ хотятъ, а я пишу гошовъ:
Легко писцемъ прослыть, коль знаемъ мѣру словъ;
Похвальныхъ Одъ творецъ, поспѣвъ ЕКАТЕРИНУ,
За рифмой пусть гонясь, пащитъ съ небесъ судьбину,
Надеяется крича: *Монархия сердца!*

А черезъ двѣ строки: *намъ солнце твой обнецъ.*
Но мой языкъ всегда былъ лести непричастенъ,
Сердечну чувствую и совѣсти подвластенъ.

Что сердце чувствуетъ, вѣщаетъ то языкъ;
Не трудно истинной ея прославить ликъ.

Почто надушими превозносишь словами,
Когда славна Она великими дѣлами?

Херасковъ пусть поетъ, а мнѣ Ее хвалишь,
Какъ пригоршни земли къ Уралу пріобщишь.

И шакъ оставлю я ту сладкогласну лиру,
А взявшись за свою, настрою на сатиру;
Примѣтя въ комъ порокъ, ни мало не польщу,
И все, что въ мысль придетъ, то смѣло сообщу.

Весь свѣтъ забавное мнѣ зрѣлище являетъ,
Гдѣ всякъ приличное себѣ лице играетъ:
Сей низко ползаетъ, тотъ гордостью надутъ,
Иной олуховатъ, другой проворный плутъ;
Но хоть дѣлами все одни другихъ смѣшнѣе,
Не скажетъ ни одинъ: вотъ онъ меня умнѣе!
Тотъ чтесть мудрецомъ, собой бывъ восхищенъ,
Который отъ другихъ подобно осужденъ.

Послушай всякаго: *Зловердоевъ* увѣряетъ,
Что съ челобичиковъ *Плутъ* взяжки собираетъ:
„Тотъ правъ, кто подаритъ, хотябъ онъ былъ и воръ,
„Коль съ деньгами пришелъ, спускай на задній дворъ.
„Но естли кто предсталъ съ единой правою,
„Тотъ не ласкай себя надеждою пустою;

„Его проволокутъ за дѣломъ много лѣтъ,
„А въ ожиданіи, онъ можетъ быть умретъ.,,
Положимъ, *Плутъ* не правъ, но и языкъ *Зловреда*
Не долженъ поносишь любезнаго сосѣда;
Когда бы засѣдалъ за краснымъ онъ сукномъ,
То самъ бы грабнишь спалъ своимъ насъ чередомъ.

Оспавя сихъ крючковъ, подалъ кинемъ взоры;
Не намъ принадлежатъ рѣшить чужіе споры.
Не видишь ли — *Кащей* межъ многихъ сундуковъ,
Сидитъ у золотомъ наполненныхъ мѣшковъ?
Когда червонные по чешкамъ онъ считаетъ,
Должникъ свой приговоръ въ передней ожидаетъ;
Попомъ по допускъ позбавишь просишь ростъ,
Однако между насъ *Кащей* и самъ не простъ.
Когда пяшокъ на рубль данъ въ мѣсяцъ мнѣ не хочешь,
„Займи ты у другихъ, чпо много шакъ хлопчешь?
„Блаженны времена! какъ дедовски опцы
„Не шакъ какъ нынѣшни безмозглые глупцы,
„Проценшовъ сошенку на сошенку бирали,
„Законовъ не боясь, сосѣдовъ разоряли.
„А нынѣ намъ грозитъ ужасная судьба:
„Лишь только пощечись, то будешь у столба!
„Да полно мнѣ по смертъ мотовъ еще довольно;
„Я дешево не дамъ, а занимаешь имъ вольно;
„На ростны ростъ возьму, они хопя взбѣсись,
„Со Городничимъ я лишь только подѣлалъсь.“

По мнѣнію сему *Кащей* нашъ поступаетъ,
Но *Мотовъ* зрѣлице прошивное являетъ.
„Къ чему же золото — шакъ *Мотовъ* говоришь,
„Когда оно у насъ безъ пользы лишь лежитъ?
„Богатство хорошо, но для употребленья,
„Во гробъ не понесемъ безщешнаго имѣнья.,,
Продашь послѣднюю деревню *Мотовъ* радъ,
Чтобы шѣ денежки свезти въ каретный рядъ,
И прочихъ щеголей затмить хопъ разъ собою,
Не мысля, что придетъ ходишь ему съ сумою.

У коего изъ двухъ умъ больше поврежденъ?

„Не менѣе одинъ другого ослабленъ.

„У моша и скупа въ мозгу довольно жара,

„Сіе докажетъ намъ силогизмъ ин — барбара.

„Но прежде нежели рѣшу о сихъ вещахъ,

„Внемлите, Цидеронъ что пишетъ о спрастяхъ.

Въщаетъ шако мужъ, наукой упоенный,

Несносный самохвалъ, къ лашыни прилѣпленный,

Который зашвердя ученыхъ словъ соборъ,

Умѣетъ составлять изъ умныхъ мыслей вздоръ.

„Понятіе сіе я сбивчивымъ счишаю, —

Кричитъ мнѣ Геометръ — „и прямо увѣряю,

„Что мнимый сей мудрецъ такъ дѣйствуетъ умомъ?

„Какъ циркулемъ слѣпый безъ лемъ и аксіомъ,

Невѣжда рѣчь сію надутую внимаетъ,

Онъ слушаетъ ее, хотя не понимаетъ;

И не постигнувши шоль спранный разговоръ,

Рѣшился почищать все знанія за вздоръ.

„За чемъ — гласитъ, — дѣлней наукамъ обучаютъ?

„Ученые луну зубами не хватаютъ,

„А шолько учанся здоровью со вредомъ,

„Чтобъ послѣ сдѣлаться ученымъ дуракомъ.

Болтъ такъ-то люди все хвлящися умами,

И возносимые надъ прочими скопами,

Такъ судятъ все они, ложь съ истинной смѣшавъ,

Храня припомъ всегда единый сей уснавъ:

„Дурачествомъ счищать, чего не разумѣешь,

„И по въ другомъ хулишь, чего ты не имѣешь.

Но кто бы слабости все ихъ исчислишь могъ?

Скорѣй исправлю я Телемахиды слогъ.

Сей продавъ честь свою, и нѣмъ обогатился,

За деньги погубишь невинныхъ не ссыдился,

Неправосудіемъ составилъ канишаль,

И чрезъ безчестіе вѣмъ Знающимъ братомъ сшаъ.

Со мною вмѣстѣ томъ до мѣста домогался;

Онъ мѣсто получилъ, а я съ пустымъ остался.

„Конечно — скажешь всякъ — онъ больше заслужилъ.,,
 Ни мало: межъ Бояръ всегдашнимъ шуномъ былъ.
 Иной щастливымъ спадъ, въ стихахъ своихъ не-
 стройныхъ

Хваля Вельможъ, хвалы ни мало недостойныхъ.
 Другой же пріобрѣлъ ошачье, чины,
 За-снисхожденіе сестры, или жены;
 А честный человекъ съ надеждой состарѣетъ,
 Доколѣ плодъ его достоинства созрѣетъ.

Но, Муза! поумѣрь взволнованную желчь;
 Престанемъ продолжать прошивну многимъ рвѣ.
 Я опасуюсь, съ простаго разговора
 Чтобы съ чиншелемъ не завела ты спора,
 И то пойдешь объ насъ вездѣ и шокъ и судъ:
 Кто что ни напиши, злорѣчіе какъ туть!
 Иные на себя саширы принимаютъ,
 А сами, какъ пасквиль, писателя ругаютъ;
 Который гнѣву ихъ подвергся за грѣхи.
 Но я не для такихъ пишу сіи стихи.
 Разумный человекъ чрезъ то не оскорбится,
 Когда невѣжество и подлость охулишь.
 И можно ли ему на свой принять то счесть,
 Чемъ совѣшь никогда его не попрекнешъ?
 Сашира веселишь, пороки исправляешь;
 Касаясь дѣлъ худыхъ, лица не коришь;
 Лѣкарство горькое умѣешь подсластить,
 Разумныхъ наслаждаешь, а глупыхъ веселишь.

III.

САТИРА ВТОРАЯ.

Терпѣнья нѣтъ сносить людскіе безпорядки,
 Дурацкія дѣла, и модныя ухватки,
 Которы вводящя въ обычай у насъ.
 Къ чему жъ прибѣгну я? — возвышу хрипалый гласъ,

Сухое горлышко смочу обильно квасомъ,
И гнѣвомъ воспаленъ, какъ будтобы Парнасомъ,
Пороки многіе я разомъ опишу,
Хотя противъ любви ко ближнимъ погрѣшу.

Премѣнно въ свѣшѣ все, и самые поступки,
Какъ пряжки, чепчики, прически, или юнки;
Въ развратномъ вѣкѣ семъ все свой имѣенъ срокъ;
Что прежде чтили всѣ, то снало днесь порокъ.
Разумные теперь наукой не блистающъ,
Безъ денегъ умнаго повсюду презирающъ;
Въ чертогахъ и Ахей (*) разумнымъ нареченъ,
А въ бочкѣ живучи, дуракъ и Діогенъ.
Въ блаженны времена, Сократы гдѣ живали,
Сквозь мракъ невѣжества тѣ истинну искали,
Спараясь постигашъ единаго Творца;
Но днесь отъ пастыря опасающая овца,
Развратный человекъ, во шѣмъ изнемогаетъ,
Безсмертїе души и Бога отрицающъ:
Весь страхъ откинувъ прочъ, ругаясь Божеству,
Не вѣришъ своему безсмертїу существу.
Но *Любослову* я охоннѣе прощаю,
Когда подобну рѣчь изъ устъ его внимаю;
Пусть мудрости искавъ, его заблуждшій умъ
Колѣблется всегда среди различныхъ думъ;
Пусть ложный сей мудрецъ, почтенный между нами,
Не разнясь отъ скошовъ, ровняется съ скопами;
Но можно ли снести такую дерзость словъ,
Когда мы слышимъ ихъ отъ пудренныхъ головъ,
Которы набожность явили не дерзающъ,
И въ мракъ невѣжества по модѣ всѣ впадающъ,
Упреки собственны спараясь заглушилъ,
А юношей своимъ примѣромъ развратишь?
Испорченны умы, узнавши отъ Вольтера,
Что заблужденїямъ подвержена и вѣра,

(*) Ахей былъ глупѣйшій Грекъ своего времени, по описанїю Омира.

Въ честь спавятъ и себѣ не вѣрить ничему, —
Не лучше ль мыслить мнѣ по собственну уму?
За чемъ на мнѣнія чужія полагаешься,
Въ чемъ можно къ своему разсудку мнѣ сослаться?
Но нынѣ всякъ Вольперъ, и тотъ забралъ по въ
мозгъ,

Который не ушелъ по возрасту отъ розгъ.

Разсмотримъ же теперь, отколѣ по родится,
Что смертный такъ легко къ безбожію стремится.
Я мню, что мысль моя къ причинѣ привела.
Не полагая казнь за наши злы дѣла,
И не признавъ сіе Божественно начало,
Которое насъ по смерти наказало,
Преклонный человекъ ко сладости утѣхъ,
Доволенъ льстившее не почитать за грѣхъ;
А какъ система та даетъ на все свободу,
То онъ по слабости, людскому сродной роду,
За тѣмъ, что нравилося, всегда стремится въ слѣдъ,
Не мысля, что себя ввергаетъ въ бездну бѣдъ.
Разсудкомъ каждая сопротивляясь спраши,
И сѣти избѣгаешь, хоня въ его то власти;
Но онъ, закрывъ глаза, къ веселію спѣшитъ,
И къ блеску мишуры отъ золота бѣжитъ.
Предубѣжденіе такъ дѣйствуетъ умами,
Къ тому же честь, прослышъ въ собраньи остряками,
Доводитъ юношей надъ вѣрою шутишь,
Чтобъ послѣ и совсѣмъ гласъ чести погасишь.
Но я хочу теперь къ сатиры обратиться;
Далеко кто забрелъ, тотъ долженъ воротиться.
Начавши на угадъ шрубить въ нескладный рогъ,
Едва не принялъ я печальный Юнговъ слогъ.
Разсмотримъ далѣе во всемъ честномъ народѣ,
Чемъ мы одолжены обычаю и модѣ.
Бывало нѣжну спрашь увѣнчивалъ Гименъ;
Но прѣмнилось все въ печеніе временъ,

И бракъ не на любви, на выгодахъ основанъ.
Къ супругамъ прежде сего Купида былъ прикованъ,
И только смерти часъ разлукой былъ сердецъ;
А нынѣ брака день любви есть конецъ,
Но часпо и совѣмъ ей не было начала; —
Такъ совершенства мняшъ достигнуши отъ мала;
Отъ древней грубости, въ сей просвѣщенный вѣкъ,
Стараешься себя очистишь чедовѣкъ.
Всякъ смертный, съ волею созданный отъ природы,
Не долженъ ли вкушать пріятности свободы?
И бракомъ пользуясь свободная жена,
Не можетъ ли въ своемъ покоѣ жить одна?
Въ любовникѣ найши не можно ль совершенства,
Которыхъ въ мужѣ нѣтъ? Для общаго блаженства,
Высокіе умы все ищаша устроить,
Чтобъ въ сей желѣзный вѣкъ златый вѣкъ оживляшъ.

Однако между насъ коль были оны годы,
То смертнымъ былъ тогда не чуждъ уснавъ Природы:
Слабѣйшаго себя никто не подавлялъ;
И всякъ свое добро съ сосѣдомъ раздѣлялъ;
Тогда — то жизнь людей, въ спокойствѣ протекая,
Поистиннѣ могла назваться золотая!
А нынѣ зримъ вездѣ пришворный маскарадъ;
На всѣхъ обманчивы личины и нарядъ.
Сей Креза новаго безстыдно похваляетъ,
А внутренно къ нему презрѣніе нищаетъ;
Другой съ безсильнѣйшимъ ведетъ неправый судъ,
Гдѣ всякой изъ судей или дуракъ, иль плутъ,
Но твердо вѣдая крючки шворить науку,
Замазанной рукой другую моютъ руку.
Бѣда намъ честному съ прозорливымъ умомъ!
Товарищи почтуютъ его себѣ врагомъ,
И алчна злоба ихъ дополь не ушлился,
Доколѣ своего онъ мѣста не лишился;

Но чѣмъ вѣрнѣй напасѣшь, ударъ уже гошовъ,
Пріемлющъ дружелюбія предъ нимъ они покровъ;
Участниковъ своихъ дѣла хулящъ коварны,
Чѣмъ вкрадшися въ него, извѣдаѣшь нѣки тайны,
И пагубный подаѣшь при случаѣ совѣтъ.
Въ различныхъ образахъ шаковъ весь нынѣ свѣтъ.
Изъ моды вышла честь, державспвуетъ коварство,
Пустое имя сыидѣ, повсюду зримъ лукавство:
Купцы обманывающъ спарающъ глауцовъ,
Мошенники самихъ проводящъ и купцовъ;
Дворяне честные обмануны слугами,
Цари Вельможами, судьи секретарями;
На тысячу плутовъ спо честныхъ не найдешь,
Хотя деревни всѣ и грады обойдешь. —
Но шѣмъ почтеннѣе сваяная добродѣтель,
Блаженства общаго и каждаго содѣшеть,
Которыя пороки пріемлетъ часто видѣ,
Являя на лицѣ правдивость, кротость, сыидѣ.
И такъ пословица насъ ксѣпши научаетъ:
Чѣмъ злѣе должно чинить не все то, чѣмъ блистаетъ.

IV.

САТИРА ТРЕТІЯ.

Не завистью разженъ, беру я громку лиру,
И людямъ не во вредъ пою на ней сапиру.
Не бывъ онекуномъ, противъ мужей пишу,
И никого я шѣмъ супруги не лѣшу;
Но лишь явишь хоча велико неусройство
Тѣхъ браковъ, рушащихъ взаимное спокойство,
За коими всегда послѣдуетъ разводъ,
Чѣмъ избавиться всѣхъ браней и хлопотъ.
Примѣровъ множествомъ являю сему причину. . . .
Гимантъ любилъ свою дражайшу половину,

Когда онъ сватался, клялся въ любви всякъ часъ;
Но только мужемъ спалъ, по пламень сей угасъ.
Въ *Клименѣ* онъ теперь находишъ недосшатки,
Не милы всѣ ея поступки и ухватки,
Пріятный въ обществѣ, мучитель для жены,
Другъ другу на печаль они сотворены.
Климена нѣжная сносила оскорбленье,
Доколѣ и ее оставило терпѣнье;
Презрѣнна отъ мужа, сама забыла долгъ,
Тимактѣ виновенъ самъ, что носишъ пару рогъ.
Межъ тѣмъ, какъ онъ жену поносишъ и ругаетъ,
Усердный втайнѣ другъ печальну утѣшаетъ.
Нещасенъ тотъ союзъ, согласія гдѣ нѣтъ.
Но сколько образцовъ такихъ являетъ свѣтъ!
Красивый юноша всѣмъ нравиться желаетъ,
Отъ сей красавицы къ другой перелетаетъ,
И часто обраца къ одной изъ оныхъ взоръ,
Находишъ въ ней красотъ и прелестей соборъ.
Минушной числишъ огнь на вѣки нѣжной спрасью,
И сѣдиняются къ взаимному нещасью.
А ежели къ тому свирѣпа власнь божка
Съ пастушкой обручитъ влюбленна пастушка,
Которымъ, окромѣ свирѣли и одежды,
Ни шелега имѣшь ни малой нѣтъ надежды,
Въ утѣхахъ пролетишъ для нихъ сей первый годъ,
А вмѣстѣ съ чадами прибавится хлопотъ:
Займы, процензы, долгъ, и въ домѣ неустройства,
Пройдешъ горяча спрась, оставя безпокойства.
Но чемъ же удержишь дѣшей отъ браковъ сихъ?
Подвергнушь выбору родителей своихъ.
Тогда произойдутъ еще горчайши бѣдства.
Для чистыхъ денежекъ, для знатнаго наслѣдства,
Чтобъ чинъ себѣ достать, чтобы повидти въ знать,
Изволятъ чадъ своихъ не рѣдко обручать
Съ дѣтьми ростовщика, купчины, мѣщанина,
Или съ побочными велика Господина.

Но чтожь послѣдуетъ? всегда межъ ихъ раздоръ,
Упреки, жалобы, источники всѣхъ ссоръ;
Жена имѣніемъ супруга укоряетъ,
А мужъ къ такой женѣ презрѣніе являетъ.
О жизнь несносная, пренятосный союзъ!
Хочу на вѣкъ бѣжать отъ Гименовыхъ узъ.
Женися шакъ иль сякъ, всегда выходишь худо:
Женидѣба вкусное, но прищорное блюдо.
Пріятны только въ ней день первый, перва ночь,
А послѣ скучишься, да средства вѣишь помочь;
И та останешся надежда лишь супругу,
Чтобъ видѣнь во гробу любезную подругу.
Источникъ браковъ сихъ: какъ дерзкій *Прометей*
Стануъ далъ живишь отъ солнечныхъ лучей,
Зевесъ на смертнаго съ похмѣлья разсердился,
Но чемъ его казнилъ? велѣлъ, чтобъ онъ женился.
Отъ дальнихъ тѣхъ временъ судьба его строга;
Женатымъ къ головѣ всегда куютъ рога.
И пусть бы было шакъ, — но тольколи намъ бѣд-
ства

Досталось отъ сего проклятаго наслѣдства?
Лишь только ты возьми сожигельницу въ домъ,
Тотчасъ пойдешь въ дому и брани и сedomъ,
Межъ нею и людей, межъ нею и золовки;
Она употребишь и сплени и уловки
Поссорить муженька съ людьми, съ ошцемъ, съ
сесстрой,

А послѣ ссоришься начнешъ уже съ тобой:
То денегъ ей давать скупншься на наряды,
То ей холодношью ты дѣлаешь досады,
То скушенъ кажешься, конечно ты сердишь,
То всемъ ругаешься, что та ни говоритъ;
И словомъ, каждый шагъ, и самыя къ ней ласки
Упорливой женѣ послужишь для привязки.
А ежели въ нее испустишь ревность ядъ,
Тогда-то ты погибъ! тогда невинный взглядъ

Почтешъ она вѣ тебѣ за важно пресупленье.
Когда ты ласковъ къ ней — имѣешь умысленье;
Когда задумался — другую полюбилъ;
Смѣешься ли когда — сегодня щасливъ былъ;
Пойдешь къ прѣтелю — конечно на свиданье;
Всечасно новое опѣ ней тебѣ шерзанье.

Возможно ли, вскричашъ: чшобы искавъ жену,
Мы выбрали себѣ на шею сашану?

А я скажу на то, и право не вѣ издѣвку,
Чшо ты берешь тогда не бабу злую, дѣвку,
Вѣ которой никакой не гвѣздишся порокъ.
Вѣ шоварѣ рыношномъ найдешь ли скоро прокъ?
Но пускай ты изберешь изъ спсаль просиражна кругу
Равно и честную и смѣрную подругу, —
Хотя такихъ чудесъ не трудно сосчинать,
И много, коль найдешь вѣ Россіи оныхъ пять, —
Но пускай твоя жена шестая къ нимъ прибудетъ:
То думаешь ли ты, чшо бракъ твой щасливъ бу-
детъ?

Никакъ; она собою прошивна и гадка;
Иль умъ не гладокъ вѣ ней, коль личикомъ гладка.
Вѣ обоихъ случаяхъ тебѣ велика скука.
А ежели къ бѣдамъ числишельна наука
Такъ сильно властвуешъ надъ женнинымъ умкомъ,
Чшо всякая у ней ведница подъ замкомъ:
Тогда прощайся ты съ веселыми друзьями,
Съ коньми, съ уборами, съ забавами, съ пирами!
А лучше бережный хозяинъ примѣчай:
Не скоро ли идешъ хлѣбъ, водочка и чай.
Щасливъ еще, когда имѣешь дозволенье,
Чшобъ дѣлать для себя шому упоиребленье;
И много разъ щасливъ, коль золото любя;
Сбираешъ сей драконъ богатство для себя.
Изъ крайностей сія хоть мало поносишь;
Но ежели твоя супруга не умѣе,
Имѣнье примешся обильно распочашъ,

Тогда отвѣшствуй мнѣ, чюю долженъ ты начать?
Чрезъ годъ окажешся, что женнины расходы
Гораздо превзошли сожительски доходы:
Придешся отдавать деревни подъ закладъ,
И ты пойдешь съ сумей, хотя нашелъ бы кладъ.
Услуживая ей пречестныя старушки,
Спасая чрезъ сѣ свои свящныя души,
Верутъ подъ серебро на мѣсяцъ по пяши,
Дашеваѣ ей ей нигдѣ не лѣзя найши.
Заклады между тѣмъ въ проценкахъ пропадаютъ,
А старыя ханжи другіе забираютъ.
На серги надобно супругъ тысячъ пять,
А ты изволь на шо помѣстье продавать;
И только съ рекрута получишь деньги въ складку,
То ей потчасъ носи на новую накладку.

Ужъ ли задумался, проворный женишокъ?
Но тольколи, что сей у женщинъ есть порокъ?
В. Когда бы я хотѣлъ наполнить ими спроки,
Примѣры бы съ пера лилися какъ потоки;
А я безъ выдумокъ могъ столько написать,
Что тѣмъ безсоннаго заставилъ бы дремать.
Гдѣ женщину найши разумну, не сварливу,
И къ мужу вѣрную, и въ домъ бережливу,
При томъ безъ скупости, и, словомъ, такову,
Котораябъ пѣшкомъ прошла черезъ Неву?
Трудненокъ выборъ сей, и сдѣлаешь промашку,
Когдабы мы жену мѣняли какъ рубашку;
То время бы еще осналося впередъ,
Чрезъ день, урезъ два, иль три, хотя бы черезъ годъ;
А нынѣ скучишься износу дожидаться,
И лучше, думаю, въ опасность не вдаваться.
Сѣ примѣрами оная я докажу.

Ну ежели возьмешь въ супруги ты ханжу,
Которая всегда опслушавъ семь обѣденъ,
Вечеренъ пять иль шесть, и съ завиреней молебенъ,

Б

Поѣдетъ отдавать свои доходы въ ростъ ,
А ѣстъ одни грибы и въ пятницу и въ постъ ;
Безсильныхъ , немощныхъ , полушками снабжаетъ ,
А мучитъ должниковъ своихъ не оставляетъ ,
И каждого дѣла вмѣняетъ во грѣхи :

Ты скажешь , что она какъ ѣдкіе сшихи ,
Которы всяку вещь своимъ аршиномъ мѣрятъ ;
Ахъ ! нѣтъ , они бранятъ , но въ вѣкъ не лицемѣрятъ .

Ну ежели возмешь жеманную жену ,
Своею , какъ Нарцисъ , красой заражену ,
Которая полдня живетъ предъ туалетомъ ,
Чтобъ послѣ въ Оперѣ блеснуть предъ моднымъ свѣ-
томъ ,

Гдѣ мужъ ея найдетъ межъ многихъ подлиналъ ,
Внимающе отъ нихъ преглупыхъ шью похвалъ ?

Ну ежели возмешь подругу просвѣщенну ,
Высокимъ разумомъ довольно напыщенну ,
Которой бѣдный мужъ едва распоритъ ротъ ,
То слышишь отъ нее , что онъ великій скопъ ?

Ну ежели — постой всеобщій порицатель ,
И женскихъ шалостей словарь и собиратель !
Преснанъ хулишь жену ; вспомни , что она
Подпорою въ трудахъ отъ Бога намъ дана ,
Участницей въ бѣдахъ , участницей въ блаженствѣ :
Представь спаранія ея въ швомъ младенствѣ ,
Представь мученія въ жестокой часѣ родинъ :
Всегда ль виновны всѣ , а ты лишь правъ одинъ ?

Пускай , когда то такъ чишашелемъ угодно ,
Противу множества молчаніе мнѣ сродно ,
Коль двое скажутъ пьянъ ; ложися прешій спашъ ,
И я готовъ шеперь противное писашъ .

Конечно не всегда виновна въ шомъ подруга ,
Что нѣтъ согласія межъ ею и супруга :
Не рѣдко муженѣкъ бываетъ сущій мотъ ,
Готовый проиграть приданое все въ годъ ;
Не рѣдко въ немъ живутъ прожорство и буянство ;
Не рѣдко роскоши владѣющъ имъ и пьянство ,

И часто шотъ, кто былъ до свадьбы вѣжливъ, живъ,
Женясь сдѣлался несносенъ и сварливъ.

Дамиса шы найдешь всегда между сполами,
Покрытыми виномъ, лїющимся спруями;
Вокругъ его друзья съ стаканами въ рукахъ,
Веселье буйное блиспаетъ въ ихъ очахъ.
Напишкомъ Вакховымъ опягощенны взоры,
И часто дремлютъ всѣ, оспавя разговоры.

Октавій между шѣмъ, забывъ жену, дѣшей,
Не можетъ разорвать обманчивыхъ сѣшей,
Кошорыми его плутовка уловляетъ,
И съ нею кошелекъ и здравіе теряетъ.

Свирѣпый юныя Констанціи супругъ
Сто разъ на всякой день бранитъ жену и слугъ;
И часто вымысливъ люшѣйшее мученье,
Во спонѣ, въ жалобахъ находитъ улѣшенье.

Возможно ли женамъ шакихъ мужей любитьъ ?
Но должно ли и имъ Мегарами ихъ бышь ?
Таковъ удѣлъ людей, чшо нѣшъ въ нихъ совершенства:
За чемъ же ищемъ мы въ союзахъ сихъ блаженства ?
Приложъ огонь къ огню, умножишь шѣмъ пожаръ;
Не много шаспливыхъ отъ брака сыщемъ паръ.
Жена шогда сносна, коль знаетъ покоряться ;
А мужъ, когда ни въ чемъ не хочетъ догадаться.

С Т И Х И

На смерть Генераль-Майора С П* Макси-
мовича, под Очаковомъ убитаго 1788.*

Сквозь громкій славы гласъ, сквозь радостные клики,
Тюреневъ сѣверныхъ сквозь подвиги велики,
Доспигнулъ до меня печальный вѣкій сонъ. —
Кого глаза еще сомкнулъ на вѣки сонъ?

Что зрю? жестокій рокъ! о зрѣлище плачевно!
Какою торжественно цѣною полученно!

Побѣда изъ очей пошoki слезъ почишь:
Россіи вѣрный сынъ въ крови своей лежишь.

Военныхъ звуковъ шумъ, смущающей природу!
Умолкни нынѣ ты, оставя мнѣ свободу
Трепещущей рукой печаль изобразишь,
Доснойнаго похвалъ Героя симъ починишь.

Отечеству онъ былъ подпорой и защиной;
Сражаясь за него, скончалъ вѣкъ знаменитой;
Внчанна славою доспигнулъ жребій злой,
Нещаснѣйшей семьи въ тревожа шѣмъ покой.

За Марсомъ слѣдуя, ему уподоблялся:
Онъ въ мирѣ крошокъ былъ, въ войнѣ орломъ являлся;
О храбрости его Бендеръ извѣстенъ сналъ,
Какъ Графомъ Панинымъ разимый упадалъ.

Днесъ, Максимовичъ, ты не узришь свѣта болѣ,
Со мужествомъ скончавъ жизнь храбру въ ранномъ
полѣ,

Котору посвятилъ Россіи и трудамъ;
Не смерть нашла тебя, ее нашелъ ты самъ.

Съ неуспрашимостью въ опасности ввергался,
Всегда къ сраженію изъ первыхъ устремлялся.
Примѣромъ ободрялъ ты воиновъ своихъ,
И самъ рубилъ, кололъ; щипомъ, спѣной былъ ихъ.

Лишенная его вѣрнѣйшая супруга!

Лишилася ты въ немъ опоры, мужа, друга.

Рыдаешь праведно, но плачь лишь о себѣ;

Доспойна плача ты, — онъ въ щасливой судьбѣ.

Хочь смерть все мужество въ ничто преобра-
щаетъ,

Но слава громкихъ дѣлъ вѣкъ не умираетъ;

Онъ умеръ, — но живешь въ чувствительныхъ серд-
цахъ;

Бездушенъ, — но душа ликуетъ въ небесахъ.

А Ты, Всесильный Богъ, Котораго уставы
Предписываютъ всемъ степени счастья, славы!

Когда судилъ ему шоль скоро жизнь скончасть,

Благоволи его блаженствомъ увѣнчать.

VI.

*Стихи на заданныя рѣмы, въ скорости
сочиненные.*

1. Ниса, Идиллія.

У рѣчки Ниса на берегу,
Игала вѣночки на лугу;
Любовь въ мѣсна тѣ *прилетала*,
Къ Милону спросить во грудь *вліяла*.
Душа ея была *нѣжна*,
И будице къ спроси *рождена*.
Случаи не были къ ней *стрѣны*,
Пастухъ, узрѣвъ ее съ дороги,
Прибѣгъ сказанъ: *боготворю!*
Она въ отвѣтъ: и я *горю*.
Вокругъ молчали все *смирѣли*,
И птички въ шѣ часы не *пѣли*,
Но все живишь пастушкинъ *взглядъ*,
И эхи шѣ слова *твердятъ*.

VII.

2. Плачъ опчаяннаго любовника; Элегія.

Мѣста, гдѣ я спеню, зеленая *долина*,
 Гдѣ только сладкая утѣхѣй мнѣ *малина*,
 Свидѣтели шоски, луга, поля и *лѣсъ*!
 Я плакать здѣсь хочу: вселился въ сердце *бѣсъ*.
 Ко влюбчиву быку Черкасская *хорова*
 Не будетъ, какъ ко мнѣ, любезная *сурова*.
 Не столько мучился отъ кошечки *котокъ*,
 Какъ я любовію свой взорвалъ *животокъ*.
 О звѣри, внимающи сіи ужасны *звуки*!
 Боязнъ откинувъ прочь, мои познайте *муки*,
 Не ревностью палимъ, рыкаетъ спрашннй *слонъ*,
 Разносишъ эхо здѣсь вокругъ мой жалкій *стонъ*.
 Зефиры нѣжные! лепите вы къ *пастушкѣ*,
 Скажите, что всегда держу ее при *душкѣ*. — —
 Но мракъ покрылъ мой взоръ! се новая *тоска*!
 Въ печали я не зрю любимаго *лѣска*.
 Уже пора прервать ой! ахъ! увы и *охи*!
 И сердца въ глубинѣ сокрышь тяжелы *вздохи*;
 Такъ, время облегчить снѣсенную мнѣ *грудь*,
 Къ Улинушкѣ драгой пора пуснитъ въ *путь*.
 Се ночь зоветъ меня, сажуся я на *дрожки*:
 Твердише здѣсь мой стонъ совы, лягушки, *кошки*!

VIII.

Р О Н Д О.

На что сей созданъ свѣтъ? я часто восклицаю,
Какъ видѣ ученаго въ собраньи принимаю;
Родимся умереть, поживъ не много лѣтъ.
Всякъ часъ къ концу ведешь: на что сей созданъ
свѣтъ?

На что сей созданъ свѣтъ? уныло продолжаю,
И слышатъ ли меня, украдкой примѣчаю.
Въ немъ шасья твердаго, и твердой славы нѣтъ,
Вездѣ находимъ вредъ: на что сей созданъ свѣтъ?

На что сей созданъ свѣтъ? еще я повторяю;
Вопросъ сей въ тысячи устахъ всегда внимаю;
Но всѣ пожить хотѣтъ, хощь полонъ мѣръ суетъ,
А бывъ исполненъ бѣдъ, на что сей созданъ свѣтъ?

На что сей созданъ свѣтъ? днесъ васъ я вопрошаю
И къ вамъ, о мудрецы! вопросъ сей обращаю.
Отличный отъ другихъ у всѣхъ готовъ отвѣтъ,
Однако все то бредъ; на что сей созданъ свѣтъ?

На что сей созданъ свѣтъ? не я одинъ не знаю,
Не я одинъ причинъ сего не понимаю;
Но всякой, и дуракъ, и умный вонѣтъ,
И горло тѣмъ дерешъ: на что сей созданъ свѣтъ?

IX.

БАЛЛАДА.

Сойди ко мнѣ съ Парнасса Аполлонъ,
Снеся съ собой согласную серынищу!
Настрой се на звонкій нынѣ шонъ;
Цль въ нуждѣ дай старинную цѣвницу:
Хочу воспѣть такой ^{бн} днесь родъ стиховъ,
Что Музу шѣмъ солѣлаю я раду —
И такъ узнай о шомъ безъ дальнихъ словъ:
Хочу воспѣть Французскую Балладу.

✽
Какой пойдетъ отъ насъ по свѣшу звонъ!
Одну ли пѣнь заснавимъ мы пѣвицу?
Орфей плѣнилъ собою Тизифонъ,
А мы вскружимъ и бабу и дѣвицу,
Превысимъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ творцовъ,
И въ славѣ той найдемъ себѣ награду;
Хочу свистать пріятнѣе скворцовъ:
Хочу воспѣть Французскую Балладу.

✽
Нешунъ для насъ изъ моря выйдетъ вонъ,
Взнуздавъ себѣ подводную тѣлицу;
Возмешь съ собой прекрасныхъ Алсіонъ - - -
Но рифмы нѣшъ - - - надѣнь хотя голицу.
Вѣ стихъ собрати языческихъ боговъ,
Даетъ писцу не малую ошраду;
И я шеперь, сложа четверку спирофъ,
Хочу воспѣть Французскую Балладу.

✽
Согласнѣ ль сего соловій спонъ?
Пѣвалъ въ сей ладъ, я думаю, Кашонъ;
А я сей стихъ живлю, изъбавъ изъ аду:
Старинна пѣснь былаа весельчаконъ
Среди спода, среди хмѣльныхъ паровъ, —
И я воспѣлъ Французскую Балладу.

Х.

Г Р О З А ,

Передѣланная изъ близкихъ стиховъ незнаемаго сочинителя, съ приложеніемъ къ каждой строфѣ по четвере новыхъ стиха.

Великъ Господь! вѣщающъ громы,
Гремя, прещая, прясая всю твердь,
Колебая грады, башни, дома,
Грозая рога кичливыхъ сперсть.
Ужасна мгла о томъ вѣщаешъ,
Являясь съ далекихъ странъ,
И буря шожь напоминаетъ,
Волнуя, нѣня океанъ.

Дубъ древній, съ шумомъ попрысаясь,
Страшиться Господа велишъ;
Ударомъ грома раздробляясь,
Великъ Господь! еще гласишъ.
Предъ Нимъ величїе и сила
Есть прахъ, ничто, пылинка, шлѣнь;
Его десница все творила
Въ глубокой древности временъ.

Злодѣй, законы презиравшій,
Мягекъ Природы всей узрѣвъ,
Дѣла прежнихъ пагубу познавшій,
Гласишъ: ужасенъ Бога гнѣвъ!
Его злодѣйство ужасаетъ:
Объяшый трепетомъ своимъ,
Бѣднѣетъ, падаетъ, вызываетъ:
Великъ Господь, и страшенъ злымъ!

Пороковъ врагъ, душа благая,
Громовъ внимая прескъ и шумъ,
Съ улыбкой на небо взирая,
Господней славой наполнишь умъ.
Она спокойно ожидаетъ,
Когда придетъ міровъ конецъ,
И мыслью къ небу возлещетъ,
Глася всякъ часъ: коль благъ Творецъ!

ХІ.

НАДПИСИ.

1. *Двумъ супругамъ.*

Супружней вѣрности здѣсь твердый образецъ;
Устроилъ оный бракъ Эротъ, ихъ душъ владѣ-
тель,
И, кажешся, зажегъ огонь сихъ двухъ сердецъ,
Чтобъ въ нихъ соединить любовь и добродѣтель.

2. *Престарѣлой красавицѣ.*

Когда съ красою розъ красы твоя равнялись,
Ты столько жъ схожа съ ней, хоня твоей вѣкъ увялъ:
Разсыпались листья, одни шипы оспались,
Которы нѣжный цвѣтъ дошолъ покрывалъ.

ХІІ.

Б А С Н И.

1. *Робенокъ на столѣ.*

Робенокъ лѣтъ пяти всегда бываешъ простѣ,
И умѣ тогда его шаковѣ же малѣ, какѣ росѣ.
Не знаю, чей-то сынѣ рѣзвился на постелѣ,
А съ ней вскоча на столѣ, подперся подѣ бока,
И вздумалѣ, что теперѣ онѣ выше гайдука,
Какѣ будтобы чрезѣ то спалѣ выше вѣ самомѣ дѣлѣ.
Смѣясь отецѣ ему сказалѣ:

„Сойди, ты будешь малѣ.“

Но кто жѣ равняется робенку простопшою?
Вельможа и богачѣ, гордящійся мечшою.

2. *Вѣтреная мѣльница.*

Послушай басенки, кому на то охота.
Припомнишь я прошу Гиганшовѣ Донкишота.
Вѣ деревнѣ подѣ Москвой одинѣ имѣлѣ шеснѣ рукѣ,
Не рѣдко оными производая стукѣ,
Иль просто: мѣльница шамѣ вѣтрена стояла,
И часто крыльями по воздуху махала.
Сказало нѣкогда одно крыло другимѣ,

Товарищамѣ своимѣ:

„Возможно ли, что вы ни мало не стыдишесь,

„Что тихо такѣ вертитесь?

„А я перегоню, голубчики, всѣхѣ васѣ.“

Вѣ томѣ часѣ

Душѣ началѣ вѣтерокѣ, а крылья спали кругомѣ

Гоняшья другѣ за другомѣ;

Но всѣ безплодными оспались ихѣ шруды. —

И осказанія вѣ сей баснѣ есть слѣды,

Что всѣ писатели, а болѣе пѣишья,

Которые одной надменностью набишья,

Не бывъ способными, хотяшъ стихи писашь,
И думашъ другихъ своими закидашь.

Напрасно въ томъ шрудяшся :
Въ одномъ кругу они вовѣки проверняшся.

3. Астрологъ.

Не знаю я, когда; не знаю я, и гдѣ,
Былъ славный Астрологъ, по Руски прорицатель,
Который по звѣздамъ искусный былъ гадашель:
Такіе мудрецы случались вездѣ.

Они измѣряли проширивша всю пучину,

Такъ точно, какъ вблизи
Могу на потолокъ я видѣть паушину,

Или что полъ въ грязи.

Примѣшилъ звѣздочешъ, свою наставя трубку;

Чудовища въ дунѣ,

Изъ кожи коего сшилъ можно добру шубку,

Судя по дальности о шой величинѣ.

Спѣшилъ мудрецъ разнесъ

Пречудную ту вѣсть,

Чтобы товарищи не ускорили прежде.

Прошла та дивна ночь:

На завтра множество явилось каршинъ,

Въ кофорохъ чудо шо, во свойственнѣй одеждѣ,

Представлено шочь въ шочь.

Принялся за перо писатель не одинъ.

Народъ считалъ сіе предзнаменіемъ бѣдства,

И многимъ зрѣлось шо за годъ предъ шѣмъ во снахъ;

Жрецы, опричь молишвъ, ошнудъ не знали средства

Избавитъся бѣды, — и былъ всеобщій страхъ.

Впослѣдокъ кончилось народно удивленье:

Нашли въ шой трубкѣ мышъ — преподлое шворенье,

Котора случаемъ межъ стеколъ забрела,

И толковъ множество собой произвела.

Пускай объ ономъ всякъ посудишъ, какъ онъ хочешъ,
И смыслъ найши хлопочешъ.
Ты часто, человекъ, за чуднымъ въ слѣдъ бѣжишь;
А что же выйдешъ? — мышь.

XIII.

У С Л О В І Е.

М а д р и г а л ъ.

Сколько сладостны твои лобзанія, драгая,
Которыми меня даришь ты обнимая!
Но чшобъ не пролешъшь вовѣкъ ушѣхамъ симъ,
Цѣлуй меня, цѣлуй съ условіемъ такимъ:
Коль ревность въ сердце хладъ твое начнетъ вливанн,
Чшобъ въ спрасни должникомъ не бышь мнѣ у тебя,
Тогда начну тебѣ тѣ ласки возвращати,
Которыя мнѣ днесъ въ залогъ даешь любя.
Тогда, довольная покорностью моею,
Горячность ощутишь, и прежнюю любовь;
А бывъ оживлена предъ смернью своею,
Какъ фениксъ, наша спраснь изъ пепла выйдетъ
вновь.

XIV.

В С Т Р Ъ Ч А.

Идиллія.

Въ полденный лѣтній зной скрываяся отъ Феба,
Ликасъ среди кустовъ валялся по цвѣшамъ:
Въ сердца вливали жаръ палящи своды неба,
На вѣнъяхъ соловей лобзалъ подругу шамъ,
И нѣжнымъ пѣніемъ ее увеселяя,
Минушу каждую къ ушѣхамъ новымъ звалъ.
Любовью оживленъ, въ любви уноная,
Ея могущесство онъ громко прославлялъ.

Тамъ спроси на горлица чрезъ тихо воркованье
Желала изъяснишь веселіе свое.

О смертный! зри, къ чему имѣешь бытіе.

Ликасъ внималъ ручья пріятное журчанье,
Надъ коимъ бабочка вилася съ мошьялькомъ;
Цвѣтокъ склоняся слѣплялся со цвѣткомъ,
И Флоры слышалось съ Зефиромъ цѣлованье.

Туда, гонимая несноснымъ солнца зноемъ,

Ириса юная прохладу взять пришла;

Съ недавна времени оспавленна покоемъ,

Найдя прохладу шамъ, покоя не нашла.

Четырнадцать лѣтъ, нѣжнѣйшихъ чувствѣй годы!

Ириса начала желанья ощущать:

Когда все любишь въ объятіяхъ Природы,

То смертному почто съ Природой воевать?

Въ средѣ невинности паслушка та пріятна
Желала, но чего? о бездна непонятна!

Безвѣстенъ былъ для ней желаніевъ конецъ. —

Эротъ примѣтилъ то для блага двухъ сердецъ.

Пріятностію мѣстъ прельщенная Ириса,

Задумчиво идетъ къ прозрачну ручейку,

И посѣхъ и уборъ кладетъ на бережку —

Не зрѣлъ красотъ соборъ подобныхъ взоръ Париса,

Когда изъ трехъ Богинь прекрасную избралъ;

Зефиръ тогда еще невѣрнымъ Флорѣ спалъ.

Ликасъ разсматривалъ бѣлѣйши снѣга ноги,

Едва восшорга гласъ сдержавъ тогда въ устахъ,

И розовы кусты на мраморныхъ холмахъ, —

Красы, какихъ досель не сотворяли боги!

На мѣлкихъ камышкахъ прекрасная плескается,

При шумѣ листвѣевъ оказывала страхъ,

Сей страхъ невинности. --- Ликасъ шѣмъ восхищаясь,

Явился близъ нее въ крутящихся спруяхъ,

Объемлетъ --- но шеперь спущу ли я завѣсу?

Ириса робкая краснѣетъ и бѣжитъ,

Снѣвши, одежда гдѣ покинута лежитъ,

И тамо не нашедъ, спопы вращаетъ къ лѣсу.
 Пасхухъ послѣдуетъ за жертвою своею —
 Послѣдній гласъ слыда слабъ дѣйствовашъ надъ нею:
 Она желала бы пресиленною бышь.
 Ликасъ, вступившій въ бой- - - умѣлъ и побѣдишь.
 Съ того блаженна дня въ рукахъ Ликаса мила
 Потерянной покой Ириса возвратила,
 И часто въ шѣхъ мѣсцахъ пасла спада свои.

А вы, внимавши пѣснь чипашели мои!
 Когда преклоннаго ко спароспи вы вѣка,
 Или въ сердцахъ у васъ владѣетъ зимній хладъ,
 Не смѣйте охулишь, что пѣлъ въ свирѣльный ладъ:
 Се лучше торжесшво изъ всѣхъ для человека !

XV.

Э Л Е Г І Я 1.

Р а з л у к а.

Оспрада и бѣда для подданныхъ сердецъ,
 Любовь! когда придетъ шокъ моей конецъ?
 Оспавя для иныхъ мѣста мнѣ драгоцѣнны,
 И мысли прежнія мѣняя на смященны,
 Спенаю и лечу опъ Сильвѣи моей,
 Рыдаю, и на вѣкъ сужденъ я жить безъ ней;
 На вѣкъ — о люша часъ! — Но гдѣ возьму я силы
 Вовѣкъ не зрѣшь красотъ, которыя мнѣ милы?
 Не зрѣшь, и съ гореспи всечасно духъ шерзашъ;
 Терзашъ, и вздохи шѣ съ слезами пожирашъ.
 Здѣсь лѣтомъ воздухъ чистъ, зимою соляде грѣетъ,
 А шамо человекъ сгараешъ, иль хладѣешъ;
 Здѣсь жизнь невинная, здѣсь пестрые луга,
 Здѣсь чистаго ключа пріятны берега,

А тамъ живетъ развратъ, скучая жизнью длинной;
Тамъ вѣчно грязь, иль пыль, и брегъ рѣки Неглин-
ной (*)

На мѣсто здѣшняго журчащаго ручья. —
Но выгодой такой могу ль плѣняться я?
Драгая тамъ живетъ, которыя ланины
Цвѣтами красоны являющся покрышы;
Ея дыханіе зефиръ, а блескъ очей
Ліетъ живѣйшій огонь Тишановыхъ лучей.
Въ объятіяхъ ея я жизнью не скучаю,
И весь развратный міръ охотно забываю — —
Забвеніе крапкое, польстившее меня!
То время прошекло, и я живу сненя.

О естли бѣ Сильвія чрезъ быспрую премѣну
Плѣнясь теперъ инымъ, мнѣ сдѣлала измѣну!
Тогда бы сильный гнѣвъ жаръ сильный замѣнилъ,
И слезъ моихъ вину совсѣмъ искоренилъ.
Тогда бѣ я щасливъ былъ; но что сказать дерзаю?
Я мыслю такой мученье умножаю.
Куда перяюсь я? — и что дерзнулъ изречь?
Обидна мнѣ и ей такая нагла рѣчь.
Лишь только бѣ Сильвія осмалась непремѣнна,
Мнѣ нужды нѣтъ ни въ чемъ; она моя вселенна;
Все щастье въ ней мое; но можноль хоть на часъ
Въ сомнѣніе придти о вѣрности тѣхъ глазъ,
Тѣхъ глазъ, которыя чрезъ пламенные взгляды
Во всѣхъ печаляхъ мнѣ служили для отрады;
Тѣхъ глазъ, которые движеніемъ своимъ
Твердили мнѣ спокрашъ, сколь много я любимъ;
Тѣхъ глазъ, которыхъ я вѣки не увижу,
Безъ коихъ жизнь свою и міръ весь ненавижу,
Безъ коихъ мучуся, стеню, рыдаю, рвусь;
Воспоминаніемъ которыхъ веселюсь?

(*) Рѣчка, очень нечистая въ Москвѣ.

На часъ забывъ печаль, тѣмъ видомъ услаждаюсь,
И вспомя, что не зрѣшь ихъ, болѣе терзаюсь.
Но что за польза мнѣ и въ вѣрности ея,
Когда несчастнѣйшій изъ всѣхъ живущихъ я,
Когда, любя меня, она равно несчастна? —
Пусть будетъ щаслива и менѣ мной спрасна;
Пускай она съ другимъ блаженство по вкусишь,
Котораго ее несчастливый лишитъ;
Пускай одинъ за двухъ оплачу двѣ напасти,
И жертвою одинъ останусь помной спраси.
Сія мнѣ только вѣсть оспраду принесетъ,
А радостей другихъ мнѣ въ мірѣ больше нѣтъ.

XVI.

Э Л Е Г І Я 2.

Ревность.

Опчаянье, тоска, унынье, мысли скучны!
Всегда ль вы будете со мною неразлучны?
Ревнивы замыслы, терзающіи сердца!
Хотите ль слѣдовать за мною до конца?
Ни что печали злой, ни что не умѣряетъ,
Но все нищаетъ грусть и все напоминаетъ
На вѣкъ утекшіе веселые часы,
Когда невѣрная вѣряла мнѣ красы —
Красы любезныя, которыхъ представленье
Сугубитъ болѣе жестокое мученье.

Напрасно я бѣгу отъ пышныхъ града спѣвъ,
Гдѣ первый поцѣлуй мнѣ ею подаренъ —
Тотъ сладкій поцѣлуй, тогдашняя оспрада,
Который нынѣ грудь исполнилъ желчи, яда; —
Сихъ мѣстъ противныхъ мнѣ и милыхъ я бѣгу,
А индѣ обрѣсти покоя не могу.

В

Пріятные луга, одѣянные дерномъ,
Колючимъ для меня одѣяны всѣ терномъ;
Пернатые пѣвцы, пуская нѣжный спонъ,
Унылый скорбный духъ изъ шѣла гоняшъ вонъ;
Сады, природою снабженные цвѣтами,
Миѣ въ грусти кажутся усѣяны змїями.
Надежда всѣхъ живишъ, надеждой щасливъ свѣшъ,
А миѣ несчастному ни въ чемъ отрады нѣшъ!
Ищу ее въ слезахъ, слезами униваюсь;
Хочу тоску забыть, но тщетно я стараюсь.

Давноль съ любезною, любви для заплашъ,
На время оспавалялъ я общество и градъ,
И съ ней гуляючи зелеными полями,
Не рѣдко ошдыхалъ на травкѣ подъ кустами?
Прелеснѣйши цвѣты я рвалъ для ней въ пучокъ,
Въ награду получилъ отъ рукъ ея вѣнокъ;
И вмѣстѣ слушая двухъ горлицъ воркованье,
Дѣлили межъ собой такое жъ цѣлованье.
Прохладный вѣшперокъ! свидѣшелемъ ты былъ,
Ты вздохи нѣжные съ спремленьемъ разносилъ;
Присягу вѣрности мы тамо повторяли,
И клятвы ручейку безмолвному ввѣряли,
Который близко насъ въ журчаньѣ тихомъ шекъ;
Съ собою видно онъ и спросишь ея увлекъ.

Теперь права, ключи и прелести всемѣстны
Для сердца моего не могутъ быть прелесны.
Бѣжавъ отъ града я, равно бѣгу полей;
Ничто не усладитъ злой горести моей!
Осталось только миѣ горячій слезы нынѣ
Сокрышь отъ, взоровъ всѣхъ въ ужаснѣйшей пустынѣ!

XVII.

Э Л Е Г И Я 3.

С м е р т ь л ю б о в н и ц ы.

Свершилось все со мной, со мною все свершилось!
Полсердца моего, полу-себя лишилась.
Смятенный духъ во мнѣ всречасно вопіетъ:
Уже она въ одрѣ, а взоръ твой видитъ свѣтъ.
Теперь все шло мнѣ излишняя одежда,
Не пользуется ничто — и лесная надежда
Исчезла навсегда. — Чьи люшья бѣды
Достигнушь возмогаи когда до сей чреды?
Разлуку наградишь хоть позднее свиданье;
Раскаяніе льспишь въ измѣнѣ упованье;
А мнѣ печальному ничто теперь не льспишь:
Предметъ любви моей, мой цвѣтъ скошенъ лежишь,
Исчезла краса и въ землю опущенна,
А съ ней душа моя на вѣки заключенна;
Мое веселіе прошло, какъ легкій дымъ,
Печаль свирѣпствуетъ надъ плѣнникомъ своимъ.
Свирѣпствуй и рази! щеки во спонѣ время!
Я въ тягосѣ самъ себѣ, мнѣ жизнь бесплодно бремя.
Опныиъ буду я шѣрзаться и спенать,
И смериъ несчастному на помощь призываѣ.
Жестока смериъ была, скосивъ драгую прежде,
Но та же смериъ теперь вся цѣль моей надеждѣ.

XVIII.

Э К Л О Г И.

1. А л ц и н д а.

Прошли прѣяшны лѣтні дни,
 Простились паслухи съ лугами,
 Простились также съ шалашами.
 Не солнце грѣло ихъ — огни.
 Одна Алцинда изо всѣхъ
 Въ деревню жить не приходила;
 Не зная болѣе ушѣхъ,
 Всечасно по полю бродила.
 Листочки спали опадашь,
 Зелена славка пожелтѣла,
 Онѣ вѣтра сощница шумѣла;
 Пошла Алцинда въ лѣсъ гуляшь.
 Даметѣ увѣдашь захошѣлъ
 Тоски паслушкиной причину,
 И въ слѣдъ за нею полетѣлъ
 Чрезъ поле, горы и равнину.
 Алцинда плача говоритъ,
 Узнавъ Тиренову премѣну:
 „Какъ могъ содѣлать онѣ измѣну?
 „Иль громъ Зевесовъ не гремитъ?
 „Колико разъ онѣ общался
 „Любитъ меня по смерти, и клялся,
 „Что ключъ преспанетъ прежде пещь,
 „И цвѣстъ дуброва переспанетъ,
 „Какъ онѣ любитъ меня не спанетъ! „
 Даметѣ ея внимая рѣчь,
 Спѣшилъ Алциндѣ показаться,
 И то невинной рассказалъ,
 Что ей Тиренъ хошѣлъ смѣяться,
 Когда бытъ вѣрнымъ общалъ.

„Застынутъ ручейки зимою,
„Плѣнися швой паспухъ иною;
„Но ты печальною не будь
„И также паспуха забудь.
„Влюбилась ты неосторожно,
„А я тебѣ, не клявшись ложно,
„Хочу во вѣки вѣрнымъ быть,
„Коль ты согласна полюбишь.„

Паспушкою слова Дамеша
Приняты не были за лешь.
Въ любви хорошая примѣша,
Когда довѣренность ужъ есть.
Она взаимно имѣ плѣнилась
И съ нимъ въ деревню возвратилась;
Паспухъ давно ее любилъ,
И съ нею долго щаспливъ былъ.

XIX.

2. Х Л О Я.

Въ прохладны Майски дни, когда свѣтило знойно
Средь бѣга своего еще не безпокойно,
Тирсисъ свободу пѣлъ, играя на рожкѣ,
И Эхо вопрошалъ о хитросплетенномъ божкѣ,
Который раздаетъ мученія сердечны,
А вкупѣ съ ними же веселья безконечны.
Дивясь онъ вскричалъ: „о слабыя сердца,
„Преданныя любви, какъ злымъ волкамъ овца!
„Коль ваши чувствія только прямо нѣжны,
„Не можете ль вкушать утѣхи безмятежны?
„Не можете ли быть такъ щасливы, какъ я?
„Въ невинныхъ радостяхъ течетъ вся жизнь моя.
„Я ночь спокойно сплю; съ утра моя работа:
„Овечекъ напоивъ, вся кончится забота.

„Когда онѣ ѣдятъ зеленую траву ,
 „Межъ шѣмъ различные цвѣты въ пучки я рву ,
 „Фиалки , васильки , гвоздики собираю ,
 „И ими наряженъ чрезъ цѣлый день бываю .
 „Хотя не юная паспушка мнѣ свила ,
 „Съ вѣнчкомъ шляпа мнѣ не менѣ мила .
 „Прогулкой утомясь въ мѣстахъ собой прелестныхъ ,
 „Ложуся отдохнушь межъ листвѣвъ древесныхъ ,
 „Гдѣ нѣжна зяблиця съ пріятностью поетъ ;
 „Въ утѣхахъ вѣдшихъ мнѣ конечно нужды нѣтъ .
 „То робку серну я отъ стрѣлъ скрываюсь нужу ,
 „То рыбокъ на крючокъ своей рукою ужу ;
 „То спрою на кусту чепъ пернатой ковь ,
 „То въ гнѣздахъ нахожу яички и пшеницѣвъ .”

Тогда какъ былъ паспухъ сихъ мыслей въ углу ,
 бленъи ,

Овечку усмотрѣлъ блудящу въ отдаленъи ;
 Спрашась для ней волковъ , Тирсисъ шуда побѣдъ ;
 Овечка къ рошицѣ направила свой бѣгъ ;
 Своихъ ославя онъ , спѣшилъ за нею слѣдомъ ,
 И мнилъ , что спалъ отецъ его сей день съ обѣдомъ ;
 Но рѣзвая овца ко спадѣ привела ,
 Гдѣ Хлоя юная раскинувшись спала .
 Собаки съ лаемъ къ Тирсису побѣжали ,
 И шѣмъ паспушкинъ сонъ внезапно перервали :
 Она вскакиваетъ потчасъ ; — ему сей случай новъ ,
 За чемъ шуда пришелъ , сказать не сыщешь словъ .
 Онъ тихо говоритъ робѣя , запинаясь ;
 Красивѣе и она , поспѣшно оправляясь ;
 Далеко отъ все свирѣль и посошокъ ,
 Бѣлѣйша снѣгу грудь видна и сквозь плашокъ ;
 Лицен щекъ ея всѣ розами покрыты ,
 И ноги до колѣнъ нечаянно открыты ;
 Изъ глазъ стрѣлы мешалъ коварный Купидонъ ,
 И симъ явленіемъ увеселялся онъ .

Тирсисъ замѣшанный, среди волненья крови,
Свободный пушъ отверзъ жарчайшїя любви:

„Я виненъ предъ тобой! — взываетъ онъ спокрашъ,
„Но днесъ за шу вицу опдашь полспада радъ!
„Въ сїи мѣста мени овечка заманила;
„А ты хранишь овцу, и сердце полонила.
„Скажи, окружныхъ спранъ не ты ли божество?
„Подобной сотворишь не въ силахъ естество;
„И я, копорый чнилъ спрасъ нѣжну за игрушки,
„Желаю вѣкъ провести у ногъ драгой паслушки;
„Возми моихъ ягнашъ, овецъ, собакъ и козъ,
„Бышь пѣвникомъ хочу въ мѣстахъ, гдѣ вольнымъ
росъ;
„И коль, служа тебѣ, дозволишь жить съ собою,
„Блаженнымъ назовусь тогда своей судьбою.,,

Подобно говоря пѣвнщійся паслухъ,
Предъ Хлоей изъяснилъ, сколь въ немъ мѣшается духъ;
И нѣжно лобызавъ красавицыны руки,
Умѣлъ вселить любовь, не зная тоя науки.
Паслушка не спрога; единый только стыдъ
Признайся передъ нимъ въ тѣхъ чувствахъ ей
препишъ;

Однако же она суровства не являетъ,
И завтра приходитъ въ то мѣсто общаетъ.
„Мнѣ скучно, говоришь, одной, и спрашенъ волкъ —
„Какой произойти объ ономъ можешь толкъ? —
„Приди и ты сюда, сославимъ мы два стада.,

По сердцу разлилась Тирсисову опрада.
Тогда густая тѣнь предвозвѣщала ночь,
И Хлоя отъ него пошла съ овцами прочь.

На завтре только день съ зарею появился,
Тирсисъ съ поспелею и съ хижиной проспился;
Паслушка на лужокъ туда же прибыла,
И дружбы поцѣлуй въ залогъ ему дала.

Тирсиса цѣловать казалось не пригоже,
Однако всякой день происходило то же;
И наконецъ Эротъ возжегъ ей столько кровъ,
Что вмѣсто дружества явилась любовь.

XX.

3. СИДАЛИЗА.

Лишь только солнышко явилось изъ за горъ,
Пошла уже въ поля съ подругою Белиза,
И съ нею начала вчерашній разговоръ,
„Послушай, говоришь печальна Сидализа:
„Увѣдавъ отъ тебя жестоку спрасъ твою,
„Должна на оборотъ открытъ шокъ мою,
„Ты знаешь пастуха, младаго Амарила,
„Котораго красой Природа одарила, — — —
„Но намъ въ мученіе, ему дадъ сердце Рокъ:
„Колико онъ хорошъ, толико и жестокъ.
„Однако же злодѣй полъ слабый презираетъ;
„Хоть флейна Пановой согласіе его,
„Но онъ всегда на ней играетъ для шого,
„Чтобъ пѣсню дерзостно ругаться Кунидону;
„Не внемлетъ жалостну пастушекъ нѣжныхъ спону,
„И тщетно окрестъ насъ пустыни и лѣса
„Твердятъ пеняючи суровцу голоса.
„Белиза! я одна вольна была до нынѣ,
„Но, ахъ! могла ли я прошивостать судьбинѣ?
„Свершился рокъ со мной: прелестный Амарилъ
„Подобно и меня съ другими покорилъ;
„И та, которая платила всѣмъ презрѣньемъ
„Любившимъ пастухамъ — пойдетъ ли съ унижень-
емъ

„Изъ устъ мучителя постыдный вняшь отказъ?
„Мой духъ при мысли сей мятеся каждый разъ.“

Рекла, и слезный шокъ изъ глазъ ея капнися.
Белиза плачущу унять напрасно щипнися;
Она участвуещъ во скорби той — и вдругъ
Идешъ изъ за кустовъ безчувственный пасухъ,
Который тайно былъ свидѣшель разговора.
Красавица въ слезахъ -- какой предметъ для взора!
Чего спаранія содѣлать не могли,
Къ тому нечаянность и случай привели.
Эротъ пушилъ стрѣлу, не видя защищенья,
И зришъ жестокаго просящаго прощенья;
Прощеніе у ней начертано въ очахъ,
Пасухъ залогъ его запечатлѣлъ въ устахъ.
Пасушка въ радости, что сердце полонила,
Дала ему свое, и долго не томила.

XXI.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Е . . . Ф . . . Х . . .

Подъ хладнымъ мраморомъ покоится здѣсь шѣло,
Которое въ себѣ соборъ красотъ имѣло:
Достоинства души и прелести лица.
Но чемъ избѣгнемъ мы отъ общаго конца?
Цвѣтуща младостью, какъ въ Маѣ вѣжна роза,
Увяла Х . . . отъ вѣшняго мороза.
Числомъ ея добротъ считая годы Смерть,
Сказала Паркъ злой: пора намъ вѣкъ претерпѣть!

Веселые всѣ звуки!

Умолкните вы днесь;
Въ часы моей разлуки
Хочу степенать я здѣсь.
Мѣста, гдѣ многокрапно
Съ любезной я гулялъ,
Рыдашь мнѣ тамъ пріятно,
Гдѣ въ щасшіи живалъ.

Гдѣ славилъ я веселье,
Пою теперь напасишь;
Тѣмъ больше огорченье,
Чемъ пламеннѣе спрасишь,
Въ объятіяхъ драгія
Я міръ здѣсь забывалъ;
Отъ сладости такія
Я въ горестъ нынѣ впалъ.

Мы вмѣстѣ съ нею жили
Подъ кровлею одной,
Зроша вѣрно чшиди,
Но опіялъ онъ покой.
Я столько бѣ не крушился,
Когда бѣ не столь любилъ,
Спокойно бѣ разлучился
И Нису позабылъ.

Сердца, спода, имѣнья
Имѣли мы одни;
Не знали раздѣленья
Въ блаженны оны дни.
Но все премѣнно спало,
Все скучно въ сей странѣ;
Все щасшіе пропало
И все несносно мнѣ.

Безъ Нисы всѣ утѣхи
 Мнѣ болѣе не льстятъ;
 Забавы, игры, смѣхи .
 Задумчивоснѣ плодятъ;
 Они напоминаютъ,
 Чего я днесъ лишенъ,
 И думашъ заставляють,
 Чшо къ скорбямъ я рожденъ ;

Чшо для того забавы
 Съ любезною вкусилъ,
 Горчайшїя оправы
 Чшобъ нынѣ ощутилъ,
 Любавы! не облегченъ
 Хочу теперъ просить;
 Даруй хошя терпѣнье
 Напасли преносишь,

XXIII.

П Ъ С Н Я 2.

Прекрасными очами
 Славъ нынѣ покоренъ,
 Плѣняюся цѣнями,
 Кошорыми спѣснемъ.

Когда одинъ бываю,
 Открышь любовь хочу;
 Но взоръ лишь тввой срѣщаю,
 Краснѣю и молчу.

Не рѣдко намѣряюсь
 Совсѣмъ себя забытъ;
 Но шой, къмъ я плѣняюсь,
 Не можно не любишь.

Твои прелестны очи
Всечасно зряшся мнѣ,
Въ день ясный и бредь ночи,
И въ явь и во снѣ.

▲ ты скорчай мученье,
Что я несу, любя;
Скажи опѣ сожалѣнья:
И я люблю тебя!

XXIV.

П Ъ С Н Я 3.

П а с т у ш е с к а я.

Любовь я презираю,
Любви еще не знаю.

Довольна тѣмъ,
Скажу по всѣмъ: } 1.
Свобода мнѣ мила!

✱

Одна всегда съ овцами,
Не скучу я лѣсами.

Когда бъ мой вѣкъ
Такъ весь прошекъ, } 2.
Щаслива бъ я была!

✱

Всегда при Алциндорѣ
Въ безстрастномъ разговорѣ.

Ириса мнѣ
На сторонѣ } 2.
Успѣла пошептать:

✱

„ Не славься ты свободой;
 „ Пресилишься Природой.
 „ Хищра любовь,
 „ И хладну кровь } 2.
 „ Умѣетъ воспалить.

✱

„ Эроповъ гнѣвъ ужасенъ,
 „ Но больше плачъ опасенъ.
 „ Колю блескъ цвѣтовъ }
 „ Покроетъ ковы, } 2.
 „ То трудно не унасть.

✱

Отъ той меня минуши
 Колеблешь мысли люши;
 Ужели въ грудь }
 Снискала пулю } 2.
 Приманчивая спрась?

✱

Не страшны мнѣ укоры,
 Ни пламенные взоры.
 Но каждый ахъ }
 Наводитъ страхъ; } 2.
 Боюсь преклонной бышь.

✱

Ч тобъ вольною оспаться,
 Мнѣ должно укрываться;
 Обманъ ушѣхъ }
 Единый бѣгъ } 2.
 Удобенъ побѣдитъ.

Травка въ полѣ засыхаетъ,
Нѣтъ цвѣтчиковъ на лугахъ;
Листъ на землю упадаетъ,
Не шумитъ ручей въ берегахъ.
Начинающся морозы:
Гдѣ цвѣли за мѣсяцъ розы,
Тамъ лежатъ буграми снѣгъ;
Прежнихъ нѣтъ нигдѣ утѣхъ.

Прошло пріятно лѣто
И сокрылся лѣтній зной,
Въ зѣлень естество одѣто
Облеклося бѣлизной.
Осень хладна наступила,
Наспуховъ забавъ лишила,
Нѣтъ веселія въ поляхъ;
Вѣтеръ дуетъ въ шалашахъ.

Я увидѣлся съ драгою,
И всю скуку позабылъ;
Возносясь своей судьбою,
Что и ей взаимно милъ.
Съ ней пріятно знойно время,
Съ нею холодъ мнѣ не бремя,
Съ ней ничто не огорчитъ,
Все веселіемъ дышитъ.

Но коль съ нею бѣ разлучился,
Хоть бы лѣтомъ, хоть зимой,
Неутѣшно бы крушился,
Ненавидя свой покой.

Съ милой грусть и огорченье
Не приносятъ намъ мученье;
А безъ милой шьма забавъ
Тяжче горестныхъ отравъ.

XXVI.

П Ъ С Н Я 5.

С о л д а т с к а я.

Быстрымъ шагомъ приближаетъ
Солнце красную весну,
Скоро скоро общаетъ
Намъ кровавую войну.

Мы разспанемся съ друзьями,
Чтобъ идти ихъ защищать;
Будемъ крѣпкими штыками
На невѣрныхъ нападашь.

Тамо спанемъ грудью бѣлой
Вмѣсто мѣднаго щита;
Между нуль чрезъ подвигъ смѣлой
Намъ дорога опперта.

А хошь смерти спрашны зевы
Распѣваетъ шамъ война;
Намъ не спрашны пушекъ ревы:
Смерть солдату не спрашна.

Все, что мы имѣемъ въ мѣрѣ,
То всегда несемъ съ собой:
Все имѣнїе въ мундирѣ
Состоитъ у насъ съ сумой.

Былъ бы ковшичекъ водицы
Для обѣда съ сухаремъ,
То для Мамушки - Царицы
На край свѣша мы пойдѣмъ!

Ничего не потеряемъ,
Хопъ пошлюшъ сражашся насъ.
Естьли въ славѣ умираемъ,
То умремъ одинъ лишь разъ.

XXVII.

П Ъ С Н Я

Г. М е д е р а.

Темира все отъемлетъ,
И сердце и покой;
Съ насмѣшкой въ томъ прѣмлетъ
Признанье предъ собой.
Жестокость безпримѣрна
Успѣхомъ мнѣ не льститъ;
Но страшною обольщенна
И это веселитъ.

Мнѣ всѣ сносятъ мученьи
Жестокія милѣй,
Чемъ бывъ во ошдаенъи
Жишь щастливу безъ ней.
Почтеніе ль прервати?
Ее то раздражитъ;
А рѣчь ея внимати —
И это веселитъ.

Коль при людяхъ бывая,
Сказать ей что хочу,
Я только воздыхая
Красиво, шепещу.

Примѣшя по украдкой,
Она приходитъ въ стыдъ;
Доволенъ я догадкой,
И эшо веселишъ.

Хоть матеръ прозорлива
Не часто зришъ пришворъ,
Но въ страсти нещаслива
Всегда быслрѣ взоръ.
Коль случай уловляю,
Когда никто не зришъ,
Въ любви я увѣряю,
И эшо веселишъ.

Для юныя Темиры
Чувствителенъ мой гласъ;
Съ весельемъ звуки лиры
Внимала много разъ.
Хоть часъ моя превращна
Надеждою не льстишъ:
Ей пѣснь моя пріятна,
И эшо веселишъ.

Хотя я не ласкаемъ;
Совмѣстникъ мой ревнивъ,
Онъ мнишъ, что опвергасмъ,
А я не нещасливъ.
Я сшолько досаждаю,
Что онъ злодѣемъ чнишъ;
Коль зависнь поселяю,
И эшо веселишъ.

Ничто съ сей несравненно
Царицею сердецъ;
Той, кѣмъ мое прельщено,
Я опдалъ бы вѣнецъ.
А ежели Темира.
Своимъ меня дарилъ,
Престолъ не нуженъ мѣра,
И это веселитъ.

XXXI.

С О Н Е Т Ъ Т Р У Б К Ъ .

О ты, мнѣ сладкая утѣха въ сей пустынѣ,
Любезна трубочка! прїятный камелѣкъ!
Отъ влажности мокротъ мозгъ чистящій дымокъ,
И духъ очистишь ты отъ безпокойства нынѣ.

✱

Табакъ! ты душу мнѣ собою восхищаешь,
Котора часто симъ подвигнута была:
Теряясь въ воздухъ, какъ быстрая стрѣла,
И жизни ты моей картину представляешь.

✱

Тогда вспаленная симъ видомъ мысль моя
Напоминаетъ мнѣ о томъ, что буду я,
Когда въ безжизненный я прахъ преобразуюся.

✱

Внезапно обращя свой взоръ пошомъ къ себѣ,
Я зрю, что дыму въ слѣдъ сиѣшу и шороплюся,
И исчезаю самъ подобно въ томъ тебѣ.

XXXII.

СТАНСЫ НИСЪ.

Искусствомъ нравишься ты , Ниса, обладаешь;
Искусство по ничто , а должно знать любить.
На что гдѣ ни взгляни , ты сей законъ узнаешь.
Ахъ! безъ любви за чемъ на свѣшѣ жить?

Воззри на юную пастушку въ сихъ долинахъ:
Какъ радостна она, когда идетъ пастухъ!
Невинны ихъ сердца , кипитъ у нихъ кровь въ жи-
лахъ,
Любовный огонь воспламеняетъ духъ.

Смотря на сей цвѣтокъ , едва что разцвѣтаетъ,
Живѣйшая краса зеленыхъ сихъ луговъ!
Прекрасный мотылекъ ту розу лобызаетъ,
А роза та , царица всѣхъ цвѣтовъ.

Когда же отъ любви не можно защититься ,
Почто стараешься устать сей преступишь?
Иль хочешь противъ ней ты дерзко ополчиться ,
Не мысля , что власна она отмстишь?

Ахъ! допусти ее надѣшь себѣ оковы;
Духъ свой желаніямъ нѣжнѣйшимъ ты предай;
Коль сердце отдалось , имѣетъ чувства новы:
Люби и ты , въ весельяхъ упоай.

О Ниса! шепещи по далѣ оплагати ;
Колико время ты теряешь не любя!
Ахъ! чтобы на зарѣ пріятности вкушати ,
Не ожидай до окончанья дня.

Не опасайся ты измѣны отъ невѣрныхъ ,
 Надежду созидай на прелесныхъ швоихъ ;
 Хошь крылья у любви , при красотахъ безмѣрныхъ ,
 Такихъ , какъ ты , она теряетъ ихъ .

XXXIII.

ПРИПИСАНІЕ ЖЕНЩИНАМЪ.

О вы , содѣтели всеобщаго блаженства ,
 Которымъ человекъ рожденъ подвластнымъ быть !
 Сотрудницы его , примѣры совершенства ,
 Чтобъ жертву нашихъ душъ съ богами раздѣлишь ! —
 Примите дань сію покорности опимѣнной . —
 Пріятны божества просиранныя вселенной !
 Жалѣйте смертнаго , который каждый часъ ,
 Чтобъ сердцу не внимать , пороковъ ищетъ въ васъ ;
 Жалѣйте и того , кто первую саширу
 На васъ употребилъ , свою безславя лиру :
 Полъ нѣжный ! гнѣва онъ не споишь швоего ;
 Послужилъ ли шомъ спихъ на похвалу его ?
 Ахъ ! нѣтъ , безъ выдумокъ еще велико поле .
 Писателю хвалять могущество красотъ —
 Безъ нихъ бы смертные , живя въ несносной долѣ ,
 Скипались по лѣсамъ , равно какъ дикій скотъ .
 Въ глубокой древности давно прешекша вѣка ,
 Какъ дерзкій Прометей соснавилъ человека ,
 Чтобъ мраморъ оживишь , — не въ солнечныхъ лучахъ ,
 Онъ пламень почерпнулъ — у женщины въ очахъ .
 О силѣ прелесней довольно вы извѣстны ,
 Теперь о должноти хочу напомнимъ .
 Коля скромны будете , красавицы прелесны ,
 То стрѣлы далѣе проникнутъ въ нашу грудь .

Красы, сокрытыя подъ тонкой кисеею,
 Сильнѣе властвующиѣ надъ мыслию моею;
 И дѣва юная пріятнѣе мнѣ ша,
 У коей на лицѣ съ румянцемъ красота;
 Кошорая, спѣдаясь оныѣмъ спивовашъ рѣчами,
 Влюбяся въ первый разъ, отвѣстствуетъ очами.
 Заспавъше насъ желашъ, — вошъ нравншся наука! —
 Приворснво иногда бываешъ нужно вамъ;
 Но чтобы изъ него во вѣкъ не вышла мука:
 Суровснво вѣчное несносно всѣмъ сердцамъ.
 Равно и легкое наскучншъ наслаждение:
 Насильный поцѣлуй шакъ сладокъ, будшо няшъ;
 Любовь охотннца всшупашъ всегда въ сраженъе,
 Однако никому не любншъ усшупашъ.
 Когда ея снрѣлы разрушили упорносшъ,
 Умѣйше и шогда почшеніе вселяшъ.
 Владѣйше вы собой, являя ей покорносшъ,
 Учншеся сильну сшраснъ разсудку покоряшъ;
 Учншеся избирашъ предъ шѣмъ, когда ондашся:
 Любншъ еснъ надобносшъ; просшупокъ забывашся;
 Наградой будыше вы достоинсшвамъ однимъ:
 Награду шакову мы дорого цѣннмъ!

XXXIV.

Приметика.

Лизета въ праздности почувсшвовала скуку,
 И въ скоросшн се желая разогнашъ,
 Задумала узнать
 Числнштельную науку.

Искусный Амарилъ взялся урокъ ей дать.
 Онъ счешомъ цѣловалъ прекрасную сначала,
 И каждый поцѣлуй Лизета возвращала,

Храня на памяти число лобзаній всѣхъ.
 Ошибка въ суммѣ шой раждала много смѣха;
 Ученье каждое исполнено ушѣхъ!
 Впослѣдокъ Амариалъ ждалъ большаго успѣха.
 Прилѣжна школьница хотѣла все узнать;
 Однакожь какъ любовь не любишь вычислять,
 То онъ, пройдя слегка чрезъ правило второе,
 За благо разсудилъ умножить ласки второе,
 И множилъ до того,
 Что юная Лизета,
 Примѣняя ревностныя старанія его,
 Рѣшилась все давать учителю безъ счеда,

XXXV.

МОЛОДОМУ САТИРИКУ.

Послушай, другъ, не лестныхъ словъ,
 Скажи, почто чрезъ шушки фдки
 Гонимыи ты себѣ враговъ,
 Когда друзья только рѣдки?

✱

Оставь насмѣшекъ вредный ядъ,
 Чтобъ оныхъ не было и слѣду.
 Воспой пастушкинъ милый взглядъ,
 И двухъ прекрасныхъ глазъ побѣду!

✱

Сбираешь ты и желчь и ледъ
 Въ своей санирѣ безполезной;
 А я вкушаю сладкій медъ
 На пламенныхъ устахъ любезной,

Пускай согбенны лѣтъ зимой
Ворчатъ о всемъ и судятъ строга ;
А ты люби равно со мной :
Для насъ утѣхъ въ сей жизни много!

XXXVI.

АРХИТЕКТОРУ.

Поди, жилище мнѣ устрой !
Бѣгу отъ скучнаго содома ;
Хочу теперь принять покой ,
И планъ тебѣ скажу для дома.

Пійшъ, любовникъ, философъ,
Могуль любить въ уборахъ пышность !
И такъ узнай безъ дальнихъ словъ,
Чтобъ тамъ не встрѣшилась излишность.

Чтобъ нужды не терпѣшь ни въ чемъ ,
И чтобы не было мнѣ тѣсно :
Хочу въ жилищѣ я моемъ
Спокойство находишь всемѣстно.

Подобіе божковъ своихъ
Въ домахъ хранили древни Греки ,
И я люблю обычай ихъ :
Они разумны человеки.

Чтобъ сынъ богини красоты
Стоялъ у зеркала большова ,
И каждая его черта
Въ стеклѣ швердилась бы снова.

Ты сдѣлай нѣсколько дверей,
Но лишь одну сокрой отъ вида;
Сїи для всѣхъ моихъ друзей,
А шу чѣмъ вѣдала Нерида.

✱

Сей ходъ чѣмъ тайно велъ въ покой
Любезнаго душѣ предмета,
Гдѣбъ я, пѣвнясь красной,
Могъ жить для ней одной изъ свѣта.

✱

Далеко видишь наша спраснь! —
Чѣмъ Нерида средь сомнѣнья
На томъ полу могла упаснь,
Припомъ себѣ безъ поврежденья.

✱

Въ низу тамъ слѣлай, не забудь,
Для винъ мѣсечекъ небольшое;
Любви созвонъ Бахусъ будь:
Хозяйство съ вами не дурное.

✱

Хочу, когда пройдетъ мой вѣкъ
Въ завидной истинно судьбинѣ,
Чѣмъ сказали по кончинѣ:
„Здѣсь жилъ щасливой человекъ!“

XXXVII.

У Ч Е Н О Й Ж Е Н Щ И Н Ъ.

Престань въ науки углубляться,
Безцѣнно время симъ губя!
Невтонъ предесивно казаться,
Скажи, научилъ ли себя?

Послушай ты меня безъ гнѣва,
И впредь наукъ не прославляй;
Въ невѣжеснѣ праматерь Ева
Должна ль была оставить рай?

Нужна незнанія завѣса,
И сердце поршился безъ ней;
Не много знающа Агнеса
Пальнишъ невинностью своей.

Палладѣ не было примѣра
Въ глубокомъ знаніи наукъ;
Но яблоко взяла Венера
У юнаго судьи изъ рукъ.

Пріятны всѣмъ любовны узы,
И боги ими сопряжены:
Однѣ хранили дѣвство Музы,
За тѣмъ что слишкомъ учены.

Оставь ты скучную заботу
Блужданіе меченіе планетъ;
Примись за женскую работу,
Худой ты будешь звездочетъ.

Какими новыми чертами
Украсится твоей милый ликъ,
Когда прекрасными устами
Изучишь Греческій языкъ!

Орелъ, подъ солнце воспаряя,
Зевесовъ долженъ громъ носить;
Въ Циперѣ горлица летая,
За тѣмъ рождена, чтобъ любить.

XXXVIII.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Тебѣ теперь пятнадцать лѣтъ:
Веселья время наступаетъ!
Въ пятнадцать лѣтъ всѣ видятъ свѣтъ,
Зрютъ въ тѣ годы пожинаетъ.
Доколь пятнадцати лѣтъ нѣтъ,
То надобна еще игрушка;
Имѣть пятнадцать нужно лѣтъ,
Чтобъ нравиться могла пастушка.

Окончишь въ пятнадцать лѣтъ
Недѣйствіе всея Природы,
Плодомъ тогда явится цвѣтъ,
И сердце чувствуетъ въ тѣ годы.
Въ пять лѣтъ младенецъ слезы льетъ,
Игрушки въ десять занимаютъ;
Вдыхать начнутъ въ двѣнадцать лѣтъ,
Любить въ пятнадцать начинаютъ.

XXXIX.

О Д А.

Нещасливъ потъ купецъ, плывущій по волнамъ,
Который, по чужимъ скитаяся морямъ,
Оспавилъ нѣжную супругу огорченну,
Чшобъ зана слишкомъ прѣхашъ ошатченну.
Бесѣдую съ тобой, предметъ любви моей,
Не можешъ получить улыбки кшо твоей,
Тому нещаснѣйшимъ возможно быть почтенну.

✱

Нещасливъ воинъ потъ, въ которомъ звѣрскій духъ
Ко гласу жалости всегда бываетъ глухъ:
Онъ злобою дыша, въ тревогѣ пребываетъ,
И слезъ сострашїя во вѣкъ не проливаетъ.
Но потъ нещаснѣе, предметъ любви моей,
Кто непускаетъ стонъ, пѣнясь красой твоей,
И лишней строгости твоей не побѣждаетъ.

✱

Нещасливъ потъ Пїитъ, за славою гонясь,
И лавровымъ вѣнцомъ во храмъ осѣнясь,
Кто зависти даетъ завидовашъ причину:
Съ Мильшономъ онъ вкуситъ Гомерову судьбину.
Но кшо, пѣнясь тобой, предметъ любви моей,
Не смѣетъ возгласить на лирѣ страсти сей,
И пѣнь любовь свою, — нещаснѣй въ половину.

✱

Нещасливъ гражданинъ, живущій во дому,
Среди жены, и чадъ, любезнѣйшихъ ему;
Щасливъ, кшо мужествомъ отчизну защищаетъ;
Щасливъ, кшо согражданъ стихами просвѣщаетъ;
Но всѣхъ щасливѣй потъ, предметъ любви мой,
Который, покорясь прїятности твоей,
Любезнѣйшимъ тебѣ себя быть другомъ чаетъ.

XL.

РАЗНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Вспайся мужъ честлюбивый,
За славою спремься, конецъ находишь свой.
Разумнѣй, можешь быть, трусливый,
Который предпочелъ оливамъ свой покой.
Учнѣй, въ книги углубляясь,
Готовишь бдѣніемъ безсмертіе себѣ.
Эпикурьяне упиваясь,
Не мыслятъ никогда о будущей судьбѣ.
Одни носишь хощаешь порфиру,
Другіе же берутъ Ѳемидины вѣсы;
Въ исканіи друзей проводишь сей часы;
Тотъ пьетъ, другой поетъ; а я люблю Темиру.

XLI.

ПОВѢСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ, и ЭПИТАФІЯ.

Хощаешь ли жизнь мою узнать?
Когда Историкъ нѣкій славный
Ее захочетъ описать,
То трудъ весь будетъ не пространнѣй.

✱

Я кратко все теперь являю;
Желанье, замыслы, ученье,
Дѣла велики, упражненье,
Въ семъ словѣ состоятъ: люблю.

✱

О ты, которой образъ милъ
По смерти миѣ будетъ утѣшенемъ!
Со вздохомъ, ласковымъ сожалѣнемъ,
На гробъ надпиши: *любилъ*.

XLII.

СОВѢТЪ ЛЮБОВНИКУ.

Искусенъ въ тайномъ будь ученъ
Веселія не истощай;
И по пріятномъ наслажденъ
Возможно оное вкушай.

Въ любезныхъ рожицахъ въ Цитерѣ,
Любвникъ въ день не все порви;
Желая нравиться Венерѣ,
Храни ты плодъ драгой любви.

Умѣй въ долину плодородной
Пріятность роскоши пожать:
Оставь для осени безплодной,
Чтобъ было, чѣмъ бы засѣвать.

XLIII.

О ДА ДУХОВНАЯ

И з ъ 36 П с а л м а.

Ты гдѣ сердце не ревнуй лукавымъ:
Увижушъ яко быше;
Всегда въ дѣлахъ пребуди правымъ:
Твое продлился быше.

Господь творящему благое
Богащство воздастъ земное,
И правды блескъ Онъ изведетъ,
Какъ въ лѣтѣ полуденный свѣтъ.

✱

Въ грѣхахъ предъ Богомъ повинися,
И не ревнуй успѣхамъ злыхъ;
Остави гнѣвъ, и воздержися
Кичливыхъ замысловъ мїрскихъ.
Безбожны въ щасїи не даяся,
И рано ль поздно ль пошребяся;
А крошкѣй, знашенъ, или сирѣ,
Со всемъ попомствомъ вкусишь миръ.

✱

Сстрашится свергнувшись въ спремнину
Правдивый мужъ опъ грѣшныхъ рукъ;
Но Богъ, прочтя его судьбину,
Одержитъ напряженный лукъ;
Убоги онымъ угрожены,
Узрятъ тѣ стрѣлы преломленны,
Вонзенныя въ коварну грудь:
Сего достойны злые сущь.

✱

За чемъ тебѣ сребро безпрочно,
Когда грѣхомъ сберешь его?
Доставый пищу безпорочно
Стократъ блаженнѣе того.
Во дни печальны жажды, глада,
Поспигнетъ праведныхъ опрада;
А грѣшники съ сребромъ своимъ
Исчезнутъ, яко прахъ и дымъ.

✱

Господь направитъ человека
Въ пуши колеблема своимъ,
И въ цѣлое печенье вѣка
Печется каждый часъ о немъ.

Водимый Богомъ не преткнется ;
 Когда падешъ , не разбѣется ;
 А сѣмя грѣшниковъ и злыхъ
 Развѣетъ вихрь съ верховъ земныхъ.

✱

Мужъ правый , мудрости усшами
 Судъ истинный всегда речешъ ;
 Сступаетъ твердыми стопами ,
 Въ душѣ законы Божьи чтетъ.
 Вошше прошивныхъ мрачна злоба
 Ему гошовитъ двери гроба ,
 Вошше его шуда влекушъ :
 Онъ здравъ межъ нихъ , — они падутъ.

✱

Въ чертогахъ пышныхъ нечестивый ,
 Подобно какъ Ливанскій кедръ ;
 Какъ шонка шросъ , шаковъ правдивый :
 Но свергнулъ кедръ бурный вѣпръ ;
 А шросъ , хотя безсильной зрима ,
 Осталась также невредима.
 О смершный ! правосъ сохрани :
 Господь швой ущѣшитъ дни,

XLIV.

О Д А ,

Писанная въ тетеніе войны съ Турками.

Какихъ предивныхъ дѣлъ соборъ
 Мой умъ и мысли воспалешъ !
 Не басенъ Греческихъ пришворъ
 Въ меня спихи сѣи вперешъ.

Се зю великій сонмъ чудесъ,
Которыхъ слава отъ небесъ
По всей подсолнечной промчится.
Лекуй, и радуйся, мой духъ!
И въ сердцѣ всякъ чему дивился,
Вѣдай по свѣту нынѣ въ слухъ.

Спѣши, стремись, лети, пари
Во слѣдъ за звучною мовою;
Созиди Россамъ олшари
Въ спихахъ, внушенныхъ правотою!
Уже противникъ нашихъ странъ,
Попомокъ наглыхъ Агарянъ,
Уже шрясется на престолъ;
Но чукъ Славянамъ храбрымъ страхъ.
Трубишь война, и войска въ полъ, —
На предъ побѣда въ ихъ сердцахъ.

Не нуженъ тамо барабанъ,
Гдѣ ревность воя подстрекаетъ:
Повсюду сопоспашъ поганъ,
Гдѣ нашихъ ратниковъ сръшася.
Издравъ славенъ Геркулесъ,
Тезей, Гекторъ, и Ахиллесъ;
Веленой занимали взоры,
Чтобъ славу мужествомъ обрѣсть; —
Но тамъ, гдѣ всѣ полки Гекторы,
Кого, не знаю предпочесть!

Одна душа, и жаръ единъ
Во всѣхъ къ отечеству и Богу
Отъ колыбели до сѣдинъ;
Чрезъ нихъ обрящемъ мы дорогу
Низвергнувъ злобнаго врага.
„Пойдемъ сломимъ Луны рога!

Се гласъ Россійскаго ратая —
„Велитъ Царица намъ и Мать;
„Мы, къ Ней усердіемъ пылая,
„На всѣ бѣды должны дерзашъ.»

Ужель шолико есть препонъ,
Чпобъ насъ сдержашъ средь быстра шагу?
Лешитъ изъ груди робость вонъ,
Впуская смѣлоснъ и опвагу.
Ни крѣпоснъ сопротивныхъ стѣнъ,
Ни многолюдство ихъ племенъ,
Ни рвы, ни степи, ни оконы,
Не суть преградами для насъ.
Дерзнемъ прошиву всей Европы,
Коль то речешъ Монаршій гласъ!

Всю кровь по должности промышъ
Умѣютъ Россы безъ роптанья;
Идутъ умреть и побѣдишъ,
Какъ бы на мѣсто пированья.
Едва одинъ успѣлъ унаспъ,
Другой спѣшитъ вкусишъ тужъ часъ,
Или сломишъ враговъ знамены.
Но что? — за тѣмъ, въ комъ храброснъ есть,
Лешитъ побѣда безъ измѣны,
А Россъ блюдетъ повсюду чесъ.

Вотще глава Измаильшянъ,
Вотще ждеши помощи отъ злаша:
И Гошфъ и Туркъ равно погранъ,
Равна для нихъ обоихъ плаша.
Ндемна сила не тверда;
Но шомъ сильнѣе завсегда,

Д

Кто самъ въ зацѣпѣ ополчился.
Какъ левъ въ осадѣ опѣ овецъ,
Такъ Россѣ отъ Шведовъ зацѣпился,
И имъ же миръ далъ наконецъ.

Не шумны токи бурныхъ водъ
Текли соединившись въ морѣ,
Съ Полночи храбрый шекъ народъ
Казнить вину Полудня вскорѣ.
Хошинъ, Очаковъ, Измаилъ,
Спаслиль себя отъ нашихъ силъ,
Вспомня прежніе примѣры?
Очищенъ флота Понтъ-Эвксинъ,
Опять разрушены Бендеры,
Паша во плѣнѣ не одинъ.

Но польколь съ Опоманомъ брань?
Се былобъ мало Россамъ въ славу; —
Своимъ паденіемъ Кубань
Прославить алчешъ ту Державу.
Толпа безчисленная ордъ,
Грабителей мясехныхъ сбродъ,
Какъ мрачно облако сгустилось;
Но лишь свѣтило нашихъ странъ
Надъ горизонтомъ появилось,
То вмигъ разсѣялся шуманъ.

Стада оставившій пасухъ
Пріемлетъ съ радостью доспѣхи;
Съ одеждой новой, новый духъ
Предвозвѣщаетъ въ немъ успѣхи.
Спарикъ, простря дрожащу длань,
Речешъ: „Я слабъ мди на брань,

„Но въ сынѣ паки обновляюсь :
„Поди , и храбрымъ возвратись ;
„А естли щещно полагаюсь ,
„Со мной въ послѣдніе проснись. „

Таковъ Россіи цѣлой гласъ ,
И тако мнили наши дѣды ;
Внимають внуки то отъ насъ ,
И видя прежней чесни слѣды ,
Всегда по славному пупи
Всегда не преминутьъ иди ,
ПЕТРОМЪ обузданны народы
Поднесъ несутъ знакъ громкихъ дѣлъ ;
И будутъ нести въ позднѣйши годы
Попомки шѣхъ — сей ихъ удѣлъ.

Воззри въ противную страну :
Такія ли встрѣчаешь мысли ,
Гдѣ каждый вой кланетъ войну ?
Число шѣхъ рашняковъ изчисли :
Обрящешь тысячи людей ,
Которы въ буйноспи своей
Уздѣ насилія покорны ,
Всегда готовы къ мяшежу ,
Ко гласу честности упорны ,
Не славы ищутъ — грабежу.

Монархъ, не знавый слова *честъ* ,
Себя къ попомкамъ не прѣноситъ ,
Довольный шѣмъ, что гнусна леснь
Его въ сералѣ превозноситъ ;
И пышный пишугами санъ
Въ немъ низокъ, роскошью пофранъ.

Подъ нимъ народомъ управляетъ
Визирь не рѣдко безъ заслугъ;
А часто въ пешлѣ обрѣтаетъ
Награду подлинныхъ услугъ.

Въ судѣ защиты памѣ не зря,
Безсильный помощи не видитъ,
Клянеть безпечность Визиря,
И въ немъ Султана ненавидитъ
Во вѣкъ къ отечеству любовь
Его не воспаляла кровь.
Сѣи враги твои, Россія!
Полки безчисленные ихъ,
Какъ въ бурю влажная стихія,
Страшна — не для пловцовъ твоихъ.

А вы, военная краса,
Вожди и мудрые и храбры!
Въ сравненіи коихъ чудеса
Сразителя споголавой жабы
Почесъся могутъ за ничто.
Что я воспѣлъ шеперь, все то
Имѣетъ васъ себѣ предметомъ;
Когдажъ имянь не изрекалъ,
То чпуть безсильнымъ передъ свѣтомъ
Плести доспойныхъ вамъ похвалъ.

О Ты, которой равной нѣтъ,
Великая ЕКАТЕРИНА!
Прерви число Своихъ побѣдъ,
Остави славу и для Сына.
Вселенна полнись Тобой;
Молва съ сребряною трубой

Твердишь дѣла Твои устала ;
Щадишь враговъ, даешь законъ,
Весна для Россiянъ настала,
Какъ ты Собою красишь Тронъ.

XLV.

В Е С Н А.

Я пѣшь хочу — уста слабѣютъ,
Дрожащій испуская звукъ.
Дай лиру мнѣ — персты хладѣютъ,
Жестокій мразъ лишаетъ рукъ.
Вокругъ ревуши аквилоны
Ужасные пускаютъ стоны,
Наполня селы шѣмъ и градъ;
Нагя выи лѣсъ склоняетъ,
И вѣтровъ вой повторяетъ:
Зима простерла всюду хладъ!

Сѣдя на ледяномъ престолѣ,
Въ вершѣхъ шемномъ божество,
Снѣга и вьюги шлетъ опшолѣ
На полумершно естество.
Звѣрей на сѣверѣ рожденныхъ,
Лапландцемъ дикимъ пораженныхъ,
Оно одѣяно въ мѣхахъ;
И бывъ окружено огнями,
Скрежещетъ острыми зубами,
Дыханье праща во устахъ.

Луга, одѣяны коврами,
Въ неспройной обратяся чинѣ,
Покрылися снѣгомъ буграми,
Оставилъ поле селянинъ;

Пастухъ въ деревню возвратился,
Съ зеленой пажитью проспился,
Покинувъ складную свирѣль;
Дружокъ спенящей филомелы
Въ иные оплелъ предѣлы
Плѣнятъ людей чрезъ нѣжну шрель.

Ручей журчаньемъ не прельщаетъ,
Катясь тихо въ океанъ;
На мѣсто жавранка порхаетъ
Въ поляхъ единый только вранъ.
Прервалъ Зефиръ ко Флорѣ ласки;
Пресѣклись пѣніе и пляски;
Въ сердцахъ печаль водворена,
И спѣшно протекая грады,
Въ нихъ скуку льетъ чрезъ томны взгляды. —
Но се является Весна!

Является — и вся Природа
Веселіе пріемлетъ съ ней;
Пріятно обновленіе года
Перерождаетъ всѣхъ людей.
Восходитъ Фебъ, и льдины таютъ,
Морозы въ сѣверъ оплещаютъ;
Уже престолъ Зимы изсякъ.
Такую видимъ мы премѣну,
Когда, раздравъ завѣсу темну,
Денница прогоняетъ мракъ.

Ключи съ сугубой быстротою
Крутятся, вьются и текутъ;
Призванны Нимфы теплою
Ковры землѣ поспѣшно шкутъ;
Снѣга трясутъ съ себя дубровы,
Одежды принимая новы;

Зефиръ съ прѣятностью дышитъ;
Листы развертывая сжаты,
Цвѣты пускающъ ароматы,
Вся тварь Весну благодаритъ.

Она пріемлетъ поздравленье
Пернатыхъ общества пѣвцовъ:
Какое превзойдетъ ученье
Природой спройныхъ голосовъ?
Здѣсь нѣжно жавронокъ виляетъ;
Тамъ снрастна горлица вздыхаетъ,
Скворецъ отрывисто свисшитъ;
Урчитъ малиновка со спономъ,
И всяка пташка разнымъ тономъ
Свою подружку веселитъ.

Но пѣсни какъ являю чудесны
Весны любимца, соловья?
Внимая звуки тѣ прелестны,
Въ молчаньи удивляюсь я.
Пастушка тамъ племетъ вѣночки;
Пастухъ, облегшись на кочки,
Ирису веселитъ рожкомъ;
Сердецъ ихъ ревность не превожитъ,
Эротъ въ нихъ жаръ къ ушѣхамъ множитъ.
Примѣромъ бабочки съ дружкомъ.

Уже въ поляхъ желтѣющъ нивы,
Обѣщающы плоды,
Успѣхи пахарю щасливы
Въ награду за его труды.
Съ весельемъ разумъ восхищенной
Во всей обширности вселенной

Одну и ту же радость зришь;
Плѣняясь болѣе и болѣ,
Эфирно прошекая поле,
Творца вещей благодарить.

Отецъ мой, Царь мой и Создатель,
Соплоршій множество планетъ!
Каратель злыхъ, и благъ Податель!
Конечно Ты сей создалъ свѣтъ.
Но мнѣ ли въ гордости безмѣрной,
Малѣйшу праху во вселенной,
Себя всѣхъ выше поставлять?
Пристойней, брѣнность нашу зная,
Въ судьбы безвѣсны не вникая,
Тебя въ молчаньи обожать.

XLVI.

О Д А

На смерть Е . . . Ф . . . Х . . .

Давно ль веселой лиры звонъ,
Давно ль персты мои раждали?
Но тѣ минушы пробѣжали,
Печаль мой будетъ Аполлонъ.
Трепещетъ духъ, нѣмѣютъ руки —
Какіе жалобные звуки
Теперь я долженъ возгласить!
Блестала Х . . . красою,
Но смерть безжалостно косою
Пришла вѣкъ юный, прекратитъ.

Что можетъ насъ опъ ней спасши ?

Ни умъ, ни качества душевны ,

Удары тяжкіе, плачевны,

Не въ силахъ были опвесити.

Предъ симъ румяныя ланины

Ужасной блѣдносью покрыты,

По тѣлу распростерся хладъ;

Пріяшностьми блиставши очи

Сомкнуты мракомъ вѣчной ночи ;

Надъ ней рыдають сестры, братъ.

Какъ юный злакъ среди полей

Скошенъ безвременно бываетъ ,

Такъ Х . . . свой вѣкъ кончаешь

Во цвѣтѣ младости своей.

Таковъ для насъ уставъ Природы,

Что каждый возрастъ, кажды годы,

Опъ лютой смерти намъ не щипъ ;

И спаръ и младъ живутъ здѣсь оба ,

Но спарецъ живъ близъ двери гроба —

А шопъ, въ одрѣ уже лежитъ.

Какій урокъ для всѣхъ людей,

Всегда, у всѣхъ передъ очами !

Но спроси управляя нами

Влекутъ къ подданности своей.

Вошше зубами смерть скрежещетъ ,

Вошше коса надъ нами блещетъ .

Ударъ послѣдній вознесенъ ;

А мы, видаясь дѣлъ въ пучину ,

Не помнимъ близкую кончину.

Какъ вдругъ - - - нашъ рокъ уже свершенъ.

О свѣтъ! таковъ есть твой удѣлъ:
Ничто въ тебѣ не совершенно,
Все гибнетъ, рушится, все тлѣнно,
И смерть концемъ есть всякихъ дѣлъ.
Какая разность будетъ въ родѣ?
Одинъ покоится въ кодоѣ,
Другому созданъ мавзолей;
Но чемъ же тамо опличены? —
Въ едину землю опущены,
На пищу отданы червей.

Уже ли мыслишь, человѣкъ,
Что тѣ жъ мечтанія во гробѣ?
Нѣтъ, сынъ земли, въ земной утробѣ,
Другой, таковъ не будешь вѣкъ.
Что насъ собою утѣшало,
Что насъ собою угнѣшало,
Тамъ развѣется, какъ прахъ;
Всѣ шумъ пышности и чести,
Всѣ гласы будущи лепнѣ,
Всѣ веселіе и страхъ.

Преспанъ же, Х . . . , ты скорбѣшь,
На вѣкъ разставшия съ сестрою:
Кончина насъ ведетъ къ покою,
Мы всѣ родимся умереть.
И вы, лѣющіе пока слезы!
Прервите вздохи безполезны.
Сестры — рыдающіе о ней,
Цвѣтущи юностью, красою!
Почто жестокою тоскою
Тубишь начало вашихъ дней?

XLVII.

ОДА ЭРОТИЧЕСКАЯ.

Какую сильную премѣну
Я чувствую въ душѣ своей !
Со дня того, какъ зрѣлъ Исмену,
Всечасно думаю о ней.
Одинъ, и въ обществѣ скучаю,
Тоску несносную терплю;
Спѣшу туда, гдѣ быть ей чаю:
Ахъ! видно я ее люблю!

Манишь себѣ хочу напрасно
И тайну сердца содрывать;
Что я плавленъ Исменой спрасни,
То должно внутренно признашь,
Для облегченія напасти,
Я чувства тѣ драгой явлю;
О естли бы въ подобной страсти
Она рекла: и я люблю!

Не мню сего слышать слова;
Ее признанье раздражитъ;
Но, нѣтъ — Имена не сурова,
И нѣжду дерзость извинитъ.
Откину робость я пустую,
На опытъ смѣло поступаю:
Обижу ли мою драгую,
Сказавъ, что я ее люблю?

На вѣкъ съ ученьемъ бесполезнымъ
И съ Эпиктетами прощусь.
Какъ мнѣ любить и быть любезнымъ,
Тому у Сафы научусь.

Когда жь возьму я нѣ руки лиру,
Исмену славить ей велю,
Чтобъ было то извѣстно міру,
Сколь много я ее люблю.

Хотя Исмены видѣ прелестный
Глубоко въ сердцѣ впечатлѣнъ,
Во вѣкъ Апелловъ даръ чудесный
Пребудетъ мною не забвенъ.
Способность, кисть мою и краски,
На то лишь я употреблю,
Чтобы представить безъ прикраски
Той ликъ, кошую люблю.

Прощуся также и со славой:
Мнѣ скупенъ Марсовъ спалъ содомъ;
Мнѣ будетъ страсть моя забавой,
Спаранье нравиться, трудомъ.
Малѣйшу ласку отъ Исмены
Когда покорностью куплю,
Тогда вмѣщу въ свои знамены
Два сердца, съ надписью: люблю.

Не Марсъ, Эротъ мой предводитель,
Его колчанъ и лукъ, мой щипъ;
Уже ли сердца побѣдитель
Оковъ его не ощушишь?
Другимъ съ веселіемъ мятежнымъ
Вѣнцы лавровы уступаю;
А я, спѣша къ утѣхамъ нѣжнымъ,
На миртахъ надпишу: люблю.

На что науки, слава, пышность?
Щастливѣй будуль онѣ сего?
Въ любви почести излишность,
Въ ней лучше равенство всего.

Почтожь минушы я злашыя
Въ безплодныхъ пѣняхъ здѣсь гублю?
Лечу къ ногамъ моей драгѣя
Скажашь, и вняшь въ опившѣ: люблю!

XLVIII.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

противъ любви.

Ты напрасно похваляешь
Цѣнь любовну, человекъ!
Ею щастіе теряешь
И спокойство твое на вѣкъ.
Игры, смѣхи,
И утѣхи
Сердцу зряща въ далекѣ;
Но прельщенны
Симъ, и пѣнны,
Въ лютой дни ведутъ шокѣ.

Кто любви не знаетъ власни,
Толкъ живетъ всегда блаженъ;
Но при первомъ чувствѣ спрасни,
Вдохъ имъ первый испущенъ.

Безъ признанья,
Тѣ спенанья

Къ красотѣ не долежатъ:
Страхи люшы,
Всѣ минушы

Жизни скоро оправятъ.

Коль любовница сурова,
Нова горестъ для тебя!
А когда она готова
Умереть тебя любя;
И въ то время
Тяжка бремя
Не надѣйся избѣжать:
На мученья
Подозрѣнья
Ревность будешь воздуждать.

✱

Естьлижъ къ оному разлука
Рушить вашъ придетъ союзъ,
Не еще ль жестока мука
Истечетъ ошъ нѣжныхъ узъ?

А измѣну
И премѣну
И того горчае несть:
Всѣхъ смятеній,
Огорченій,
Не возможно перечесъ.

✱

Вотъ слабѣйше представленье
Мукъ, чинимыхъ страстью сей!
Видно адъ ей далъ рожденье
На мученье людей.

Чтобы вѣчно
Жить безпечно,
Не плѣняйтесь мечной;
Не влюбляйтесь,
Забавляйтесь
Безпристрастно красотой.

XLIX.

ОДА ВЪ ЗАЩИЩЕНІЕ ЛЮБВИ.

Любовь! сладчайшая ты въ жизни намъ утѣха,
Ты маешь пріятнѣйшей, веселѣйшей и смѣха;
До нынѣ безъ тебя былъ дикъ бы человекъ,
И велъ во скукѣ вѣкъ.

Онъ жилъ скитаясь, гдѣ волки и медвѣди,
Съ нимъ жили, какъ враги, и вѣчные сосѣди;
Но только на него твоей свѣтъ лишь просіялъ,
Имѣлъ онъ чувства спалъ.

Тобою красится вся модная Европа;
Ты сдѣлаешь щеголя сильна изъ мизантропа,
Непоспокойнаго на вѣки приковать,
И прусу смѣлосшь дать.

Могущество твое вездѣ подъ солнцемъ славно:
Ханада, Фецъ, Пекинъ, тебя чтуютъ сердцемъ равно.
Въ чермогахъ Государь, мужикъ въ избѣ худой,
Всѣ щасливы тобой.

Въ пріятной жизни ты блаженство умножаешь;
Нешаснаго собой въ печаляхъ услаждаешь;
Избѣгнувъ не могли герои всѣхъ вѣковъ
Твоихъ злыхъ оковъ.

Богатство для тебя и слава намъ любезны,
Всѣ блага безъ тебя намъ былибъ бесполезны:
Когда бы не къ тому родились, чтобъ любить,
За чемъ намъ былобъ жить?

Кто сладостей еще любовныхъ не вкушаетъ,
Тотъ жизнь несносную во скукѣ провождаетъ;
А кто позналъ любовь, тому улыбка, взглядъ,
Приносятъ тѣмъ оправдъ.

✱

Но только ль человекъ послѣдуетъ природѣ?
Вся тварь, живущая вѣстешвенной свободѣ:
Червь любится въ землѣ, орелъ на облакахъ,
И китъ въ морскихъ водахъ.

✱

Угрюмы Спойки, которые дерзали
Хулить нѣживѣйшу спрасъ! васъ чувства наказали:
Ушѣхи, сладости, исполнены заразъ,
Не созданы для васъ.

✱

Ты, нѣжный Эпикуръ, почтенъ во вѣки буди!
Твоимъ ученіемъ блаженны только люди.
Не щуся склонности природной истребить:
Хочу всегда любить.

L.

ОДА КУЛАШНОМУ БОЙЦУ.

Все шумливое въ природѣ
Успокойся, замолчи;
Дай мнѣ въ полной пѣть свободѣ,
Соловей, и не кричи;
Вѣтры буйны не шумите,
Глазъ мой людѣ внимлише,
Распустише ушеса!
Лишь добравъ до кружала,
Гдѣ спрана спрану пужала,
Не замедлю ни часа:
Всѣ познаютъ Христіане,
Сколько храбры вы, крестьяне!

Взявши всѣ по красуулѣ,
Подъ навѣсъ мы выйдемъ вонѣ;
Тамъ усядусь я на шулѣ,
Сей мой будетъ Геликонѣ.
Музы, пьяныя молодки,
Разшворише хрипы глоски,
И возвыся вмѣстѣ гласѣ,
Громки пѣсенки запойте;
Молодцы, гудки настройте:
Я подспану къ вамъ за разѣ.
Ой, ура и шрѣохъ и шрахи,
Одолѣли всѣ мы сирахи.

Мысль откинувши печальну,
Подавайше плясунѣвъ.
Пѣсню я спою похвальну;
Удалыхъ яваю головѣ.
Уже сырны дни настали,
Всѣ горѣлку распивали,
Всѣ кашались по горамѣ;
Красны дѣвки наряжались,
Съ молодцами собирались
Въ хороводѣ по вечерамѣ:
Много сладкой было брѣги,
Тварогу, блиновѣ, кулаги.

Вдругъ встревожились бесѣды,
Вызывающѣ насѣ на бой:
Наши ближнѣе сосѣды
Къ намѣ идущѣ, составя строй.
Тутѣ сердечко не сдержѣло,
Лишь извѣсшѣе долетѣло,

Мы кричимъ: ребята сной!
Всѣ поспѣшно, не шпыками,
Ударяемъ кулаками:
Кто сильнѣе, тотъ герой.
Успремаяся ко брани,
Обнажаемъ наши длани.

Что за громы раздалися?
Что за шрески во ушахъ?
Лавы что ли прорвалися?
Море чтоль бурлишь въ брегахъ?
Нѣтъ, противники съ размаху
Ударяются безъ спраху,
Шумъ и шрескъ отъ ихъ головъ;
Тотъ отъ сильнаго урза,
Кровь шоча, идетъ безъ глаза;
Сей не кривъ, но безъ зубовъ.
Носы сплюснуты съ щеками,
За ничто счишались нами.

Вражска шайка раздѣленна
Вся ударила въ бѣгъ;
Наша, крѣпко сѣдиненна,
Подымаетъ громкій смѣхъ,
Слышны радостные звуки;
Навостряя наши руки,
Шуткой бьемся межъ собой,
Какъ внезапно взявъ полѣны,
Нами прогнанныя спѣшны
Начинаютъ паки бой.
Видъ побѣда премѣняетъ,
Храбрость силъ уступаетъ,

Словно волки, крови алчны,
Робкихъ рвутъ гоня овецъ:
Такъ прошивники кулачны
Гонятъ насъ на свой конецъ;
Но спасенные плешнями,
Ополчаемся мы сами,
Камни, колія беремъ;
Дружно-паки успремаясь,
И въ средину порываясь,
Мы враговъ нещадно бьемъ.
Гдѣ не рѣзнетъ крѣпка палка,
Тамо ихъ рѣдѣетъ свалка.

Се великое нещастье
Для раскольниковъ бородъ!
Легче въ сильное ненастье
Перейши Неглинку въ бродъ.
Тотъ, кто вѣчно не бривался,
Безъ клочка волосъ осмался,
Иль таскаемъ за усы.
Всѣ и бьютъ и бишы тамо —
Браней божество упрямо,
Держитъ ровныя вѣсы,
Какъ Ерѣомка взявъ дубину
Пробивается въ средину.

О какую схватку дивну
Я готовлюсь возгласить!
Дайше мнѣ вина за гривну,
Чтобъ сильнѣе протрубить
Лишь Ерѣомка выступаетъ,
Все дубинѣ уступаетъ;

Гдѣ повернешся, тамъ кругъ;
Гдѣ пойдешь, валишь браздами,
Какъ серпъ острый межъ класами,
Пожинаешь сошны вдругъ.
Тамъ свои своихъ толкаютъ,
Ручаги, бѣжавъ, бросаютъ.

Мы побилибъ неопмѣнно
И прегнали до конца,
Ешьяли бѣ шасиѣ прѣменно
Не послало къ нимъ бойца:
Тутъ приспѣлъ, вершковъ въ десятокъ,
Городскихъ мужикъ ухвасокъ,
Со боярскаго двора.
Онъ подъ руки подчернулся,
И къ Ерѣомкѣ лишь коснулся,
Закричалъ своимъ ура!
Всѣ идущъ вокругъ лакея,
Жаромъ месши пламенья.

Тутъ къ великой мы печали
Зримъ Ерѣомку на земли:
Наши снова побѣжали —
Чудо днесъ народъ внемли!
Аки левъ ожесточенный,
Онъ возспалъ окровавленный
И ударился въ кабакъ: —
Тянувъ шамо сиволдая,
Гнѣвомъ, месшю пылая,
Сотворишь спѣшилъ шумакъ.
Межъ рядовъ противныхъ рыщетъ,
Всѣхъ тузишъ, лакея ищетъ.

Гдѣ всѣ наши уклонялись,
Тамъ онъ его обрѣлъ;
Лишь соперники сѣмались,
Тучи междупъ бранныхъ стрѣлъ.
Нашъ опечески тазаешъ,
И ко брани вызываешъ,
Засучая рукава.
Начинаешся размашка,
Идетъ красная рубашка,
Удалая голова.
Шанку взявши спѣшно въ зубы,
Хочешъ щупать десны, зубы.

Поглядимъ теперъ къ лакею.
Онъ перчатки надѣвалъ,
И съ плеча спусти ливрею,
Съ нимъ примѣриваться сталъ.
Вдругъ сошелся, откачнулся,
Свиснулъ въ жабру, самъ нагнулся,
Шляпу вздѣвши на бекрень.
Мы Ерѣмку поощряли
И со страхомъ ожидали,
Чѣмъ окончится сей день.
Посреди прошивна скона;
Ободрали шожъ холопа.

Тамъ не волны въ волны билась,
Не вздымали вихри водъ;
Посединщики тузились;
Вдругъ столпился весь народъ.
Только лишь пропянутъ руки,
Раздаются громки звуки,

Обѣ стороны шумяшѣ;
Отъ единого промаху
Идушѣ отъ веселья къ страху,
И въ унынїи молчатѣ.
Скоро страхъ опятьъ кидаютѣ,
Громки пастыи разѣваютѣ.

Долго длилася разманка!
Первый далѣ холопѣ шуза.
Красна крякнула рубашка
Отъ лакейскаго раза;
Очи подѣ лобѣ подкапились,
Быстры ноги подкосились,
Потряслася голова.
Мы краснѣли и молчали,
Сопоспашы закричали:
Тей кумашны рукава!
Нами робость овладѣла,
Тмился зракѣ, и кровь хладѣла.

Но скорѣй, какѣ нынѣ въ пѣсни,
Я могу пересказать:
Стерѣ Ерѣомка студны плѣсни,
Чѣмѣ насѣ рокѣ хопѣлѣ тазашѣ.
Лишь рукой земли коснулся,
Отъ смятенїя очнулся,
Буднѣ новый Алціонѣ,
Вѣ пущїй гнѣвѣ пришедѣ и вѣ силу,
Двинулѣ самѣ врага по рылу, —
Тотѣ упалѣ, пуская спонѣ,
И вѣ снѣгу оставилѣ слѣды
Сей Ерѣомкиной побѣды.

Тутъ окончилось сраженіе:
Всѣ смѣсилися толпой. —
Чье сильно воображеніе
Описать страшнѣе бой?
Побѣдитель, побѣжденны,
Скоро спали примиренны,
И собравшіся кружкомъ,
Идутъ въ гости другъ ко дружкѣ,
Бражки выпянутъ по кружкѣ,
Иль нахлюспашься пивкомъ.
Дрожжи чшутъ за сладку водку,
И дерутъ отъ пѣсенъ глашку.

Хмѣль хотя раждаетъ споры,
Но въ то время примирилъ;
Хмѣль заводитъ разговоры,
Какъ бы кто угрюмъ ни былъ.
Хмѣль чинитъ во грусти швердымъ;
Хмѣль шворишъ скупаго щедрымъ;
Хмѣль въ насъ мужество родинъ;
Хмѣль сударокъ умягчаетъ,
Хмѣль неравенство равняетъ;
Хмѣль повсюду знаменитъ.
Хмѣль пѣвцомъ меня днесъ дѣетъ,
Имъ языкъ во рту коситъ.

LІ.

Э Л Е Г І Я.

Не пойте соловьи, и вѣшры не дышите;
Дрѣзды сихъ полей, тоску мою почтите;
Цвѣшны, не лейте вкругъ прѣзшнюю воню,
Да я въ печали злой свободно возшню.

Дуброва не шуми, и не текише рѣчки,
Престаньте вы блѣять, невинныя овечки,
Природа премѣни веселый въ скучный видѣ;
Пускай одно Эхо степеніе твердишь;
Лѣса, луга, поля, долины, степи, горы,
Вершины мрачныя, и вы, крошечныя норы!
Познайте съ перепетомъ сердечныхъ тяжость ранъ,
Познайте скорбь мою — я пролилъ свой сщаканъ!

ЛII.

СТИХИ

*На погребеніе Его Сіятельства, Графа Ивана
Григорьевича Орлова.*

Ошкуда пренеслась въ пустыню къ намъ молва?
Рыданіе и стонъ твердяшъ ея слова.
Вѣшь грозная, вина степенія всемѣстна!
Почто не знала ты мнѣ вѣчно неизвѣстна?
Вѣщаешь: смертію пожершъ великій Мужъ,
И слезы тѣмъ влечешь изъ благодарныхъ душъ;
Вѣщаешь и кладешь для сердца тяжки узы,
Явишь усердіе незнаемыя Музы.

Се зрю печальный видъ, и всюду томный взоръ
Находишь плачущихъ и скорбныхъ лицъ соборъ;
Не лесно ихъ сердца щоска грызетъ сурова;
Но какъ дивлюсь я тому! — въ одрѣ я зрю Орлова.
Орловъ! такъ ты ничто, и твой пресвѣтлый вѣкъ
Равно со прочими во мрачность гроба спекъ!
Но нѣтъ — заѣсой нѣ забвенія покровы;
Твои жъ дѣла въ душахъ на вѣки водворены.
Не пышнымъ чиномъ ты, щедротами блисталъ;
Померкъ бы сава блескъ, а ты безсмертенъ сталъ.

Вошше Монархини старательна десница
 Умьещъ изъ толпы извлечь до шойны лица :
 Ты Ею снисканный , всѣ почести презрѣлъ ;
 А шѣмъ не шипловъ зрукъ , ихъ цѣну пріобрѣлъ ,
 И право могъ изречь , что шѣ , которы знали ,
 Не шѣнь швою , шею не лесино почиали .
 Ты равенъ съ нисшими , высокъ съ высокимъ былъ ,
 И жизнью своей Кашона намъ явилъ :
 Сшуная шѣрдою ногой по гласу чести ,
 Языкъ шкой не знавалъ словъ подлости и лести ;
 Во благу ближняго свое шѣ благо чшилъ ;
 Обиды забывалъ , обидчику не мшилъ ,
 И зависть самая , хулы , клеветѣ содѣшелъ ,
 Не смѣла помрачить Орлову добродѣтель . —
 Но мнѣль шею хвалишь ? — шею та честь мала :
 Коль имя я нарекъ , оно шею хвала .

Супруга нѣжная , которую скорбь терзаетъ ,
 Рыдай ! и вся Москва съ шкою возрыдаешъ ,
 Никто не былъ , никто рукой его гонимъ ,
 Но шасшемъ многіе должны ему своимъ ;
 Несчастный въ немъ имѣлъ приѣжище готово ,
 И слезы шмы людей — ему надгробно слово .
 Мнишь каждый , что во гробъ сошелъ его ошедъ !
 Сѣя едина дань зависитъ отъ сердецъ .
 Единой дани сей ни Царь , ни сильный воинъ ,
 Не силенъ получишь , коль оной не достоинъ ;
 И шя единая , когда пройдетъ нашъ вѣкъ ,
 Докажешъ , кто злодѣй , кто честный человекъ .

А вы , которыхъ съ нимъ природа сѣединила ,
 И свой швомъ рѣдкихъ душъ всѣхъ равно одѣлила !
 Внемлите , что речешъ притворшва чуждый гласъ :
 Шадите вы себя , не для себя , для насъ .
 Сыны ошечесшва , и человекъ други !
 Для насъ потребны вы , для онаго услуги .

Хоть лютой смертію скошенъ лежитъ вашъ братъ,
Но вы оставлены еще намъ для оправдъ;
И въ томъ согласны всѣ, что сердце мнѣ сказало:
Что добродѣтелями другихъ Орловыхъ мало.

ЛИІІ.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭКЛОГА

*На заключеніе мира съ Портою 1791 года
Декабря 29 дня.*

Пастухъ и Днепровская Нимфа.

П а с т у х ъ.

Пршли смятенны дни и нагубны часы,
Когда свирѣный Марсъ держалъ свои вѣсы,
И участь двухъ споронъ числомъ смертей ихъ мѣря,
Кромчайша смертнаго жаднѣ дѣлалъ звѣря.
Съ минутой, какъ сія воспыхнула вражда,
Въ первые я сюда пригналъ мои спада;
Но вмѣсто мнимаго полей опустошенья,
Нигдѣ не зрю вещей превращаго теченья:
Все тѣ же прелести, и мѣста красоты,
Зеленая трава и пестрые цвѣты;
Прохладные ключи журчатъ, крутятся клубами,
Подъ сѣнью скромныхъ липъ, подъ гордыми дубами,
У коихъ межъ листовъ гнѣздо себѣ вѣетъ
Пернатая чета, и сладостно поетъ.
Какое божество и чья велика сила
Слѣды всѣхъ лютоостей толь скоро испребила?

Н и м ф а.

Престань дивиться ты, — ошвѣстствуй мнѣ пастухъ:
Иль чуждѣ еще тебѣ Царицы нашей духъ?

П а с т у х ъ .

Какой я слышу гласъ! — проси вопросы смѣлы,
Тебя ль, Богиня, зряшъ опять сіи предѣлы?

Н и м ф а .

Меня, копорую шумливый гласъ войны
На время оплучилъ прелестной сей страны;
Въ спокойнѣйши часы пришла назадъ я нынѣ,
Когда угодно брань пресѣчь ЕКАТЕРИНѢ.
А ты межъ шѣмъ, какъ свѣшъ съ земли сгоняетъ
шѣнь,
Наладь свою свирѣль, пѣшь сей блаженный день.

П а с т у х ъ .

Хотя нестройный гласъ рождаетъ слабы звуки,
Усердіе сильнѣй искусства и науки:
Довольно славы мнѣ конечно предпріять,
Чего бы и Орфей не могъ самъ описатьъ.

Едва вѣ ушэхъ раздался
Трубы военной звукъ,
Съ Венерой Марсъ разстался,
Бѣжа ошъ нѣжныхъ мукъ.
Несется безъ препоны
Суровой гласъ Беллоны
Во всѣ земли конца,
Толпятся воевъ лики,
Лишь только вопли дики
Проникнули вѣ сердца.

Какъ волковъ устрашенны
Спада, всѣ врозь текутъ:
Такъ пастыри смятенны
Ошъ пажитей бѣгутъ.

Въ прѣятнѣйшихъ долинахъ
И въ холмистыхъ вершинахъ,
Пушынѣ снѣгъ и снѣгахъ;
Гдѣ были водопады,
Встрѣчаютъ томны взгляды
Текущу кровь въ струяхъ.

Лѣса и рощи зланы,
Гдѣ царствовалъ Уладъ,
Какъ будто снѣги мрачны
Ведущіа во адъ.
Вездѣ орудья злобы
Велятъ готовить гробы;
Здѣсь мѣдныя громы,
А шамо спалъ яснѣеиъ:
Языкъ въ устахъ коснѣеиъ,
Повсюду гибнемъ мы.

Вездѣ напаси ровны
Рвутъ нѣжныя сердца;
Здѣсь дѣши безпокровны
Лишающа опца:
Въ невинности рыдая
И длани просиная
Зовутъ его къ себѣ;
Тамъ другъ, лишенный друга,
И вдовая супруга
Въ подобной имъ судьбѣ:

Но вопли донеслися
Монархини къ ушамъ,
И быстро полилися
Оспрады къ ихъ душамъ.
Какъ томны верхограды,
Лишенные прохлады,

Роса живошворитъ:
Такъ мудрая Царица,
Равняя всяки лица,
Блаженствомъ всѣхъ даритъ.

Рекла: да пресѣчется
Кровавая война!
Сей гласъ вездѣ несется,
И шмится имъ Луна:
Она рога склоняетъ,
Беллона ушекаетъ,
Трубитъ Побѣда въ рогъ
И се твердятъ языки,
Чувшвишельноши клики,
Пресѣкъъ всѣ распри Богъ.

Рекла — и крови рѣки
Изсякнули ябъ тошъ часъ;
Щастливы человѣки,
Ея гдѣ правитъ гласъ;
Умолкли спрашны ревы,
Сомкнулись смерни зѣвы,
Природа вновь цвѣтешъ.
Побѣдоносный воинъ
Пріятъ и успокоинъ:
Слѣдовъ напасни нѣтъ.

На самомъ мѣстѣ славы,
Какъ тихи шоки водъ,
Спекаются забавы;
Паспушскъ хороводъ
Стремится другъ для дружки
Выдумывать игрушки:

Здѣсь пляшутъ, тамъ поютъ.
Ревнуя ихъ утѣхамъ,
Зефиръ твердитъ то Эхамъ;
Ключи съ весельемъ бьютъ

Забыла филомела
Всегдашнюю шоску,
И радостно запѣла
Порхаючи въ лѣску.
Невинныя овечки
Сбираются у рѣчки
И щиплютъ мураву.
Ликующи народы,
Златые дивны ль годы? —
Ихъ видимъ на яву.

На щасливомъ Престоѣ
Аспрея вѣнчена,
И мудросію болѣ,
Чѣмъ бранями славна.
Ей слышны безъ препоны
Нещастныхъ вздохи, стоны;
И каждому покровъ
Простертъ въ Ея десницѣ.
Возможно ль сей Царицѣ
Имѣть худыхъ сыновъ?

Н и м ф а.

Пресѣпани пѣшь пасухъ, и прѣими награду
За то, что славилъ ты новѣйшую Палладу.
Пускай любимцы Музъ, взлещая на Парнассъ,
На стройной лирѣ шамъ, чрезъ пышный Оды гласъ
Достойно воспоютъ, и пусть чрезъ пѣсни новы,
Заслужатъ на главу вѣнцы себѣ лавровы;

А ты, не вѣдая, что есть Каспальскій покъ,
Прими онъ рукъ моихъ сей миршовый вѣнокъ.

LIV.

СТИХИ

*Отъ четырехъ бѣлицъ Хозяину Маскерада,
даннаго 1792 года, Февраля 6 дня.*

Говорятъ, что чародѣйство
Только грѣзилось во снахъ;
Нынѣ той науки дѣйство
Совершается въ очахъ :
Здѣсь Хозяинъ съединяетъ
Всѣ веселости бесѣдъ ;
Всѣ улѣхи доспавляетъ —
Или въ томъ волшебства нѣтъ?

Прежде вечера калпанье,
А изъ санокъ въ Маскерадъ.
Не пріятно ль то собранье,
Гдѣ другъ другу всякой радъ?
Подъ музыку легки пляски
Ногъ являющъ быспрошу,
И для шутки черны маски
Сокрываютъ красоту.

Здѣсь пристойности граница
Опо всѣхъ соблюдена,
И хотя различны лица,
Добродѣтель въ нихъ одна.

Прицѣпиться туть не можно
Злорѣчивымъ языкамъ;
Прочь, Сатирикъ, не опложно!
Ядъ сапиръ не нуженъ намъ.

Коль злытые были годы,
Нынѣ видимъ оныхъ лѣтъ;
Обнаженный видъ Природы
Представляемъ мы въ сей день.
Вѣкъ сей только въ Маскерадѣ
Сокрывается давно,
Кипо въ какомъ нибудь нарядѣ,
Угощенъ щеперь равно.

Знатный принятъ не по чину;
Онъ всѣ тишла скидаешъ,
И облекшись въ личину,
Въ общую толпу идетъ,
Коль достоинъ онъ почтенья,
Не по сану, а собой,
Всякъ ему безъ принужденья
Плашишъ должною цѣной.

Воинъ, кинувши геройство,
Опирая со лбу пыль,
По трудамъ вкусить спокойство
Идетъ къ Момусу въ кадиль;
И воспитанникъ Феиды
Бросилъ важный взоръ въ дѣряхъ.
Спощь многообразны виды
Въ сихъ сръщающихся мѣстахъ!

И зашѣнчивы бѣлицы (*),
Хоть онѣ мѣра ошреклись,
Здѣсь какѣ свѣтскія дѣвицы,
Коль сюда приволоклись.
Здѣсь Хозяинѣ сѣдиняетѣ
Всѣ пріятности бесѣдѣ,
Всѣ ушѣхи доставляетѣ —
Или вѣ томѣ волшебства нѣтъ?

Его милая подруга,
Разсыпая корешки,
По желанію супруга
Ставитѣ всѣмѣ сердцамѣ силки,
И пріятнымѣ обхожденіемѣ
Всѣхѣ вѣ себѣ она влечетѣ
Сѣ удовольствіемѣ, сѣ почтеніемѣ —
Или вѣ томѣ волшебства нѣтъ?

За Хозяйско угощеніе
Чашки мы переберемѣ,
Принося благодареніе,
Только вѣ кельи лишѣ придемѣ.
Многолѣпствуйше безѣ счоту!
Но коль намѣ сюда прибрестѣ
Вы могли вселитѣ охоту,
Такѣ волшебство вѣ свѣтѣ есть.

(*) Чрезѣ сѣе разумѣются маски, одѣшныя бѣлицами.

LV.

ПѢСНЯ БАХИЧЕСКАЯ.

Въ семѣ собраньи
Царствуйте ушѣхи!
Прочѣ спешаньи,
Прилетайте смѣхи!
Всѣ безѣ принужденья,
Нѣтъ у насѣ почтенья.
Какѣ бы кто чиномѣ ни былѣ вознесенѣ,
Кто больше выпьетѣ, тотѣ больше почтенѣ.

Мы трудимся
Наливать стаканы;
Веселимся,
Напиваясь пьяны.
Друзьямѣ угождаемѣ,
Сердца услаждаемѣ.
Чтобы вѣкъ крапкѣй получше прожить,
Лучшее средство — съ товарищемѣ пишь.

Какѣ съ мечами
Мы во полѣ ратномѣ,
Такѣ съ ковшами
Вѣ обществѣ прѣятномѣ;
Равно вѣ сихѣ бесѣдахѣ
Споришь о побѣдахѣ,
Равно сражаешься готовы всякѣ часѣ,
Выпьемѣ за споромѣ полбочки за разѣ!

Вакхѣ во пьянствѣ
Славный былѣ воинѣ,
Насѣ вѣ подданствѣ
Онѣ имѣлъ достоинѣ.

Пилъ хотя безъ мѣры,
Нѣжныя Венеры
Былъ удоспоенъ взаимной любви,
Съ храбростью нѣжность питая въ крови.

Мы Герою
Также подражаемъ,
Красоюю
Души наполняемъ;
Водкой воспламенены,
Болѣе влюблены,
Больше влюблены во пьянствѣ своемъ;
Снавъ же влюбленными, болѣе пьемъ.

LVI.

ПѢСНЯ РУСКАЯ.

Что у рѣченьки, на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу, зеленомъ лугу,
Выращала ли часта ѳолочка:
Тамъ свиститъ, кричитъ перепѳолочка,
Подаетъ голосъ чрезъ зеленъ лужокъ,
Пойманъ ея знашь милой дружокъ.
Что у башюшки, да у роднова,
Среди садика, средь зеленова,
Красна дѣвица въ глубокой шокѣ,
Какъ по молодцѣ, по миломъ дружкѣ —
Не подъ камышкомъ прошекалъ ручей,
Она слезы льетъ изъ ясныхъ очей;
Не ключи шумяшъ, размывая пушь,
Она бьетъ себя во бѣлую грудь,

Возрыдаючи, возклицаючи,
Дни прошедшіе воспоминаючи:
Ужъ какъ прежде ли выйдетъ томный духъ,
Чѣмъ забуду я тебя, милый другъ!
Я любишь тебя общалася,
Я любя съ тобою и распалася.
Хощь бѣдѣ моей окончанья нѣтъ,
И во гробъ сойду я швоей, мой свѣтъ.

LVII.

ЗАГАДКИ.

1.

Я тридцать съ четырьмя всѣхъ воиновъ имѣю,
Но къ спашъ мужество свое явишь умѣю:
Безъ помощи моей Казань пріяла бѣ казнь;
Толико ей нужна была моя пріязнь!

2.

Я въ царствѣ нѣжностей извѣстенъ,
И шамъ всегда прелесненъ.
Коль врагъ меня даритъ,
То хочетъ показать, что больше не сердитъ.
Въ игрушкѣ коль онецъ ошказываетъ чзду,
То мною думаетъ податъ ему отраду;
Обычай иногда давашь меня величъ,
Но я тогда лишь знаменитъ,
Когда красавица не юную подругу
Межъ ласки подаритъ,
Но мною за услугу
Красавца наградитъ.

Царемъ я прежде былъ, погрязнулъ съ войскомъ въ
моръ,

А нынѣ оживленъ, на вѣкъ безсмертнымъ сталъ;
И кто бы подъ мои знамечя ни вступалъ,
Погрязнетъ такожде со всемъ имѣниемъ вскорѣ.
Вспни въ подданную, коль хочешь, мнѣ спрану:
Найдешь межъ подданныхъ всегдашнюю войну,
Которую ведутъ они съ охотой сами
Избравъ для сходбища зеленые луга.
Четырехъ Королей найдешь ты тамъ съ полками,
И съ Амазонками, прехрабрыми женами;
Но только что одинъ низложитъ лишь врага,
Другой готовится побиться съ нимъ на славу;
Грабежъ дозволенъ имъ по воинскому праву.

LVIII.

Ш А Р А Д Ы.

1.

Чишашель, по поламъ меня ты раздѣли,
И первой частію низъ дома успели,
Въ другой остерегись увязнуть средь болота;
А я нужна для всѣхъ для скряги и для моша;
Хотяшъ имѣшь меня и умный и глупецъ,
И только для меня сидитъ въ ряду купецъ;
Просился для меня воръ съ честностью своею,
Приказный для меня кривитъ своей душою.
Я безпорядковъ ключъ, но въ вѣкъ семъ нужна,
И польза общества со мной сопряжена.
Рожуся я въ землѣ, но все сама раждаю:
Довольствомъ, щасіемъ, чинами награждаю;

Ничто иное я, какъ свѣшленькой кружокъ,
И злата, иль серебра обдѣланный кусокъ;
Но множество въ себѣ меньшихъ кружковъ включаю,
И общей цѣлю всѣхъ дѣлъ людскихъ бываю.

2.

Въ полденныхъ только я странахъ произрастаю,
И первую свою часть имени раждаю;
Но чтобъ ее родишь, бываю подъ ногой
Огнѣшена людей прегордою пятой.
Грѣждане, пахари, купцы, попы, дворяне,
Разумные, глупцы, Жиды и Христїяне,
Алшынѣ не щадяшъ за первую шу часть;
Другая же всегда наносишъ мнѣ напасшъ.

LIX.

Л О Г О Т Р И Ф Ъ.

Я есмь не вещество, а мысленное слово;
Знаменованїе мое для всѣхъ сурово;
Съ главы жъ скинувъ слогъ, ученый Философъ
Мнѣ на день посвящашъ по нѣскольку часовъ.
Четырнадцать я буквъ различныхъ заключаю,
И точно полстиха въ поэмахъ занимаю.
Ошгадчикъ мой! меня какъ хочешь ты верши,
И буквы съ переди на задъ обороти;
Какъ хочешь переспавъ мои соспавы смѣло,
Смѣшай и раздробь на многи части шѣло:
Тогда найдешь во мнѣ названїе жены,
Ошъ коей праотцы народовъ рождены;
Сосѣдку филина, летающую ночами;
Чѣмъ голосъ подаюшъ, какъ ходяшъ за грибами;

Что льстяшся всѣ имѣшь внутри своихъ головъ;
Чѣмъ можно указать, избѣгнувъ лишнихъ словъ;
Планету, коя мѣръ во мракѣ освѣщаетъ;
Что вкусу нравишся и тѣло подкрѣпляетъ;
Хозяйку во дому, и насѣкому шварь;
Что часто вокругъ себя внимаетъ Государь;
Еще названіе почтеннаго, свяшаго;
Нещасныхъ жалобу и множество инаго;
Животно слабое, чѣмъ сильнаго язвитъ;
Что въ домѣ богача и въ хижинѣ стоишь;
Ужасно ремесло прославленныхъ героевъ,
И что вспаляетъ ихъ среди кровавыхъ боевъ;
Что рѣдко говорятъ въ отвѣтъ на слово: *дай*.
Теперь загадочку, кто хочетъ, отгадай.

О т г а д к и.

1. Загадка значитъ букву *А*. — 2. *Поцѣлуй*. — 3. *Фараонъ*.
Шарада 1. *Полтина*, гдѣ первая часть *полъ*, а вѣторая *тина*. — Шарада 2. *Виноградъ*, какъ то въ начальныхъ спрочныхъ буквахъ означено; въ ней заключается: *вино* и *градъ*. — Логогрифъ значитъ: *Ажеумствованіе*, и содержитъ въ себѣ слова: *умствование*, *Ева*, *сова*, *ау*, *умъ*, *еотъ*, *луна*, *ѣства*, *жена*, *оса*, *ложь*, *Іоанъ*, *стонъ*, *жало*, *столъ*, *война*, *слава*, *на*.

